

Александра Белл

За каждой дверью
скрывается второй
шанс

Отель Белый
ОСЬМИНОГ

Trendbooks

Александра Белл
Отель «Белый осьминог»

«Издательство CLEVER»

2025

Белл А.

Отель «Белый осьминог» / А. Белл — «Издательство CLEVER»,
2025 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00-252769-4

За каждой дверью скрывается второй шанс. Завораживающее историческое фэнтези о травме, праве на прощение и исцеляющей силе любви. «Отель „Белый осьминог“» – захватывающая история, в которой любовь сквозь века, магия и атмосфера сна сочетаются с темами времени, войны и детской травмы. Лондон, 2015 год. Замкнутая оценщица произведений искусства Иви Шоу не знает седовласого джентльмена, что появился на пороге ее офиса в Лондоне. Но тепло его ладони во время рукопожатия отзывается в ней искрой воспоминаний. Его зовут Макс Эверли. Так звали и любимого композитора Иви, жившего столетие назад. Почему ее не покидает чувство, что это не случайность? Отель «Белый осьминог», 1935 год. Иви и юный Макс Эверли бродят по роскошным коридорам отеля «Белый осьминог», словно потерянного во времени среди гор и снегов. Оба прошли через испытания. Иви пережила семейную трагедию, Макс – войну. Оба ищут любовь и исцеление. Но хватит ли у них смелости, чтобы открыть нужную дверь? Если вы ищете книги-романы с элементами магии, любовные романы в исторических декорациях, современные романы, затрагивающие тему времени, интересные книги для подростков и книги про любовь для взрослых (книги 18+), такая художественная литература для вас. Книга-роман «Отель „Белый осьминог“» – это увлекательная и оригинальная книга про любовь, художественная литература взрослая (книга 18+) для тех, кто выбирает романы редакции Trendbooks.

ISBN 978-5-00-252769-4

© Белл А., 2025

© Издательство CLEVER, 2025

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александра Белл

Отель «Белый осьминог»

© Alexandra Bell, 2025

Глава 1

Иви – август 2015

Иви не хотела оглядываться, не хотела застать его у себя за спиной. Чудовище. Да, она видела его раньше, много раз за столько лет, но есть вещи, к которым невозможно привыкнуть; есть страхи, от которых не скрыться, хотя ты и готова на все, лишь бы их избежать. Это был ее детский кошмар. Сегодня Иви исполнилось двадцать семь лет, и чудовище преследовало ее до сих пор. Оно приходило не каждый день, теперь уже нет, но оно никогда не пропускало ее день рождения.

Глядя себе под ноги, Иви нырнула в метро и побежала вниз по эскалатору. Она успела заскочить в поезд, когда двери уже закрывались, и на миг понадеялась, что потеряла чудовище в толпе. Но потом она подняла глаза и увидела его на сиденье напротив – чудовище в облике кролика. Кролику уж точно не место в лондонском метро, особенно такому милому с виду. Пушистому, белому, с черным пятном вокруг глаза. Он должен был прийти в ужас от непрерывного шума и людской суеты. Он должен был бегать кругами, пытаясь спрятаться, пытаясь найти выход. Но он просто сидел на свободном сиденье, совершенно спокойный, и дружелюбно смотрел на Иви, хотя ее била дрожь.

Поезд трясся и дребезжал, приближаясь к остановке. Иви старательно не смотрела на кролика и пыталась не думать о том, что из всех пассажиров в вагоне метро его видит только она. Наконец поезд подъехал к платформе, двери открылись, и Иви выскочила из вагона. Но чудовище бросилось следом за ней. Как всегда. Несколько раз она все-таки оглянулась: кролик был у нее за спиной, радостно прыгал за ней, даже на эскалатор, ведущий наверх.

Иви сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Она знала, что рано или поздно кролик уйдет. Главное – смотреть прямо перед собой, пока он не исчезнет. Заниматься своими делами, делать вид, что ничего странного не происходит. Она быстро шагала по улице, силясь не смотреть на длинноухую тень на тротуаре.

Руки Иви все еще заметно дрожали, когда она вставила наушники и включила музыку любимого композитора. Макс Эверли умер за много десятилетий до ее рождения, но его музыка всегда утешала Иви, даже в самые черные дни. Она открыла для себя Эверли в девятнадцать лет, и в те жуткие минуты, когда отчаяние и стыд грозили выпустить когти и утащить ее в яму беспросветной тоски, музыка Эверли была для нее спасительным пламенем, отгоняющим тени и горести.

Вот и теперь, направляясь к аукционному дому «Стенли», Иви сосредоточилась на музыке. День выдался солнечным, как и тогда, много лет назад. Иви всегда надеялась на дождь в свой день рождения, но в августе дожди случаются редко. На мгновение ей представилась связка разноцветных воздушных шаров, в ноздри ударил запах слоек с колбасой и домашнего клубничного желе. Иви остановилась у входа в здание аукционного дома, сделала глубокий вздох и попыталась унять дрожь в руках. Возможно, ей надо было взять отпуск, как в прошлом году, но Иви делалось дурно от одной только мысли, что придется провести этот день дома, наедине с кроликами и призраками...

Убирая наушники обратно в сумку, она заметила, что кролик исчез – по крайней мере на время. Сейчас Иви поднимется к себе в кабинет, погрузится в работу оценщицы – в работу, которая ей нравилась, – и день обретет более или менее четкую структуру. Сегодня она собиралась составить каталог коллекции только что поступивших картин и закончить отчет об оценке. Тихая, скучная, методичная работа. Как раз то, что нужно.

Поднявшись к себе, Иви взялась за дело, радуясь, что кабинет оборудован кондиционером. Для черной водолазки сегодня явно жарковато, но Иви всегда ходила в таких водолазках. Так было проще. Меньше шансов, что бродячее щупальце заползет ей на шею, напугав собеседников, которые это увидят. Меньше шансов, что кто-то заметит панический выброс чернил. К тому же Иви раздражало, когда люди кричат. Жизнь становилась намного проще, когда она ходила в черном и держалась от людей на расстоянии.

Иви усердно работала без перерывов до одиннадцати утра. Прошло два часа, а она не заметила, как они пролетели. Возможно, день окажется не таким уж плохим, как она опасалась. Может быть, ей удастся его пережить почти без потерь...

Но тут зазвонил мобильный телефон, и ее сердце болезненно сжалось. Это была худшая часть дня рождения, и Иви даже подумала не брать трубку, предоставив автоответчику разобраться со звонком. Как было бы здорово сделать вид, что она занята: например, сидит на совещании или разговаривает с клиентом по рабочему телефону, – но если матери хватило смелости позвонить, то Иви тоже хватит смелости ответить. Она сидела на корточках у картины, но теперь встала, провела большим пальцем по экрану и поднесла телефон к уху:

– Алло.

Иви старалась, чтобы ее голос звучал как обычно. Но все равно получился какой-то сдавленный хрип, словно она мучается похмельем или только-только проснулась.

– Иви, это мама.

– Я поняла. Привет. – Иви тяжело сглотнула и откашлялась, прочищая горло. – Как у тебя дела?

Она тут же пожалела об этих словах. На мгновение на том конце линии воцарилась абсолютная тишина. Иви даже подумала, что мама сейчас бросит трубку, но она тоже откашлялась и проговорила:

– Я просто хотела поздравить тебя с днем рождения.

Иви сунула свободную руку в карман и нащупала свой фамсап¹. Пальцы скользнули по бугристой деревянной голове, и Иви успокоилась. Закрепилась в настоящем. Она здесь, на работе. Она не там, в прошлом. Не на празднике, нет. Она взглянула в окно и увидела проплывающий мимо воздушный шар – фиолетовый, яркий до рези в глазах.

«Наверное, его случайно выпустил ребенок, проходивший мимо по улице», – подумала она. Вот и все.

– Иви? – спросила мама. – Ты еще здесь?

– Да, я здесь. – Ее накрыло горячей волной вины.

Да, она здесь. А ее сестра Белла – нет. Ее нигде нет. Иви отчаянно пыталась придумать, что сказать маме. Но что бы Иви ни сказала, будет только хуже. Они с мамой давно стали чужими друг другу. Они общались по телефону, наверное, два раза в год. В такие моменты было невозможно не думать о том, что все могло бы сложиться иначе – совсем иначе, – если бы не тот страшный день двадцать три года назад. Одна ошибка, которая сломала им жизнь и разбила семью.

– Ладно, не буду тебя отвлекать, – сказала мама. – Ты наверняка занята. Береги себя.

– Пока, мам, – прохрипела Иви.

Но мама уже отключилась. Иви бросила телефон на стол, вытащила из кармана фамсап и положила рядом с телефоном. Ее снова бросило в жар, и, поскольку Иви была в кабинете одна, она рискнула закатать рукава до локтей. Подошла к окну и прижалась вспотевшим лбом к холодному стеклу.

¹ Талисман на удачу, популярный в Великобритании в конце XIX – начале XX века, особенно среди британских солдат и офицеров во время Первой мировой войны. Фамсап представляет собой маленького металлического человечка с большой деревянной головой, часто с подвижными руками, с поднятыми вверх большими пальцами. Само слово fumsup происходит от thumbs up – «большие пальцы вверх», поскольку в те времена этот жест означал пожелание удачи.

К главному входу аукционного дома подъехало черное такси. Открылась пассажирская дверь, и из машины выбрался пожилой человек, тяжело опираясь на трость. Он был одет элегантно, пусть и старомодно: угольно-серый костюм, черная шляпа из мягкого фетра. Иви почему-то подумалось, что он специально принарядился для выхода в свет. Интересно, с кем он здесь встречается и зачем. Она надеялась, что повод для встречи был радостным.

Старик застыл на тротуаре, чуть покачиваясь на ногах. Такси уехало прочь, и старик поднялся на крыльцо аукционного дома. Там было всего три ступеньки, но Иви видела, как трудно ему давался подъем и как он останавливался после каждой ступеньки, чтобы перевести дух. Жаль, что никто не предложил ему помощь, но, с другой стороны, люди вообще не торопятся помогать незнакомцам, не так ли? Иви и сама не бросилась бы помогать, будь она там, внизу. В конце концов, этот старик прекрасно справлялся сам и, возможно, даже обиделся бы, если бы кто-то захотел ему помочь. Мол, что за глупости, не такой уж он и беспомощный. К тому же такие люди, как Иви, в принципе не помогают чужим старикам подниматься по лестнице.

«Вот Белла наверняка бы ему помогла», – подумала Иви. Если бы Белла была жива. «Все любят Беллу, – раздались в голове Иви голоса несуществующих друзей. – Она такая приятная, жизнерадостная и милая». Иными словами, совсем не такая, как Иви.

Старик исчез за вращающимися дверьми, и Иви вернулась к работе. Чуть погода раздался стук в дверь, и в кабинет заглянул Джеймс, ее секретарь. Иви поспешно одернула рукава до запястий.

– Э-э-э... прошу прощения, что прерываю. Я знаю, что ты занята, но к тебе пришел посетитель.

Иви удивилась:

– На сегодня у меня не назначено никаких встреч.

– Так я ему и сказал, но он... он очень настойчивый. Он принес что-то ценное и говорит, что будет общаться только с тобой.

Иви нахмурилась:

– Как его зовут?

– Макс Эверли.

Ее пробрала дрожь.

– Как композитора?

Джеймс пожал плечами:

– Да, наверное.

Джеймс, вероятно, никогда не узнал бы, кто такой Макс Эверли, если бы не чемодан. Старый, потрепанный чемодан, волею случая оказавшийся в этом самом аукционном доме. Внутри обнаружили ноты ранее неизвестных произведений Макса Эверли, чьи популярные работы были написаны не позднее 1935 года. Это была одна из причин, по которой Иви всегда хотела работать в «Стенли»: она надеялась, что когда-нибудь здесь появится еще один такой чемодан. Многочисленные эксперты подтвердили подлинность нот, и эта находка произвела настоящий фурор в музыкальном мире. Иви была рада, так как это означало, что еще больше людей будут слушать музыку, которую она любила столько лет.

Сейчас обрывки любимых мелодий вновь зазвучали в голове Иви – песни, которые она слушала столько раз, ее спасательный круг, что удерживал ее на плаву, когда отчаяние тянуло на дно. Она знала, что ее таинственный посетитель никак не мог быть *тем самым* Максом Эверли, который родился в 1899 году и которому сейчас было бы сто шестнадцать лет.

– Он... э-э-э... очень старый и немощный, – нерешительно произнес Джеймс. – Мне кажется, ему было трудно сюда добираться.

Иви подумала о старике, которого видела на крыльце. Наверняка это он.

– Он сказал, что приехал по важному делу, – продолжил Джеймс. – И что он не отнимет у тебя много времени.

Джеймс явно не ждал, что она согласится принять посетителя без предварительной записи. Иви однажды услышала, как он назвал ее Черной вдовой. В комнате отдыха, в разговоре с другой оценщицей, Кейт. Иви предположила, что это прозвище связано с тем, что она всегда одевается в черное, держится особняком, не ходит в бары с коллегами после работы и не посещает корпоративные рождественские вечеринки. Она знала, что другие сотрудники считают ее холодной, неприветливой и замкнутой. Возможно, она такая и есть, но так вышло не нарочно. Просто она из тех женщин, которых постоянно спрашивают, улыбаются ли они хоть иногда.

В ответ на замечание о Черной вдове Кейт рассмеялась: «Лично мне она напоминает мисс Скарлет из „Клуэдо“². – «Мисс Скарлет – блондинка», – заметила Иви со своего места, скрытого за распахнутой дверью.

У Иви были угольно-черные волосы, короткое, геометрически четкое каре и глаза разного цвета: один зеленый, другой голубой.

Джеймс и Кейт тогда жутко смутились, их разговор явно не предназначался для ушей Иви, но, если коллеги считают ее роковой женщиной, это не значит, что она и вправду такая. Ей вовсе нетрудно уделить пару минут своего драгоценного времени этому старику, и ей понравилась его шляпа, поэтому она ответила Джеймсу:

– Хорошо, пусть войдет.

Она старалась не замечать удивления Джеймса. Или не придавать значения этому удивлению. Он вышел из кабинета и вскоре вернулся с неожиданным гостем, проводил его через порог, коротко кивнул Иви и ушел, закрыв за собой дверь. Да, это был тот самый старик, которого Иви видела в окне. Ему было лет семьдесят шесть, может быть и все восемьдесят. Он снял шляпу, и под ней обнаружились тонкие седые волосы, аккуратно зачесанные назад. Он шел сгорбившись, смотрел себе под ноги и тяжело опирался на трость, делая медленные, осторожные шаги. Иви обошла стол и шагнула навстречу гостю. Несмотря на старческую сутулость, он был выше ее почти на голову.

– Доброе утро, сэр. Я Иви Шоу.

Она думала, что он принес на оценку картину, поскольку именно картины – ее специализация, но у него не было с собой никаких свертков.

Она протянула ему руку:

– Рада знакомству.

Макс Эверли на мгновение замер, а потом пожал ей руку. У него была теплая ладонь и на удивление крепкое рукопожатие, и когда их руки соприкоснулись, между ними словно проскочила искра. Иви на миг показалось, что она знала этого человека когда-то давным-давно, встречалась с ним раньше, держала его за руку. Он смотрел на ее пальцы, которые не спешил отпускать, и она явственно ощущала, как дрожит его ладонь.

– Я тоже рад, – тихо произнес он.

Он поднял голову, впервые встретившись взглядом с Иви. У него были карие глаза, проникновенные, темные и глубокие. И самое странное, хотя Иви знала, что этот мужчина никак не мог быть музыкантом из 1930-х годов, он вдруг показался ей будто сошедшим со старых черно-белых снимков *того самого* Макса Эверли. Именно из-за его глаз. И еще ей показалось, что во взгляде старика промелькнуло узнавание. Она внезапно подумала, что он не только узнал ее, но и знал ее раньше, в какой-то совсем другой жизни, и что она тоже должна была его знать. У него перехватило дыхание, и он крепче сжал ее руку.

– Здравствуй, Иви, – выдохнул он.

Ощущение, что она его знает, мигом прошло, перед ней снова стоял незнакомец. Он не спешил отпускать ее руку и даже придвинулся ближе, словно собирался обнять. Иви произ-

² Cluedo – настольная игра, в которой игроки расследуют убийство хозяина загородного особняка.

вольно сделала шаг назад. Она не любила объятий и тихо порадовалась, когда Макс все-таки отпустил ее руку.

– Прошу прощения, – прошептал он, слегка задыхаясь. – Вы... вы напомнили мне одну старую знакомую, вот и все. Меня зовут Макс Эверли. Спасибо, что согласились меня принять. Я не отниму у вас много времени. Надеюсь, я вам не помешал?

– Вовсе нет, – сказала Иви, может быть чересчур бодро. – Садитесь, пожалуйста. – Она указала на удобные кресла для посетителей с другой стороны своего стола. – Вас чем-нибудь угостить? Чай? Кофе?

– Кофе, если не трудно. Без молока. Одна ложка сахара.

Она подошла к кофемашине на столике в углу и сделала две чашки кофе. Одну поставила перед гостем, другую взяла себе и села за стол:

– Итак, чем я могу вам помочь, мистер Эверли? Джеймс сказал, вы принесли что-то на оценку?

– Пожалуйста, называйте меня просто Макс, – поправил он.

Он потянулся за чашкой, и Иви заметила пигментные пятна на внешней стороне его кисти. Заметила, как выпирают под тканью брюк его тощие костлявые колени. И все же в его глазах промелькнуло что-то теплое и почти озорное, отголосок того молодого мужчины, каким он когда-то был. Иви подумалось, что, в отличие от нее, этот человек часто смеялся и улыбался.

– Какой славный малый, – сказал Макс, кивнув на фамсап на столе у Иви.

Да, наверное, кому-то он мог показаться вполне славным. Иви всегда считала, что фамсап выглядит жутковато – с его шарнирным металлическим туловищем, большой деревянной головой и глазами из белых стекляшек, – но она все равно его очень любила.

– Это талисман на удачу, – сказала она. – Их дарили солдатам во время Первой мировой войны.

– И как он у вас оказался? – спросил Макс.

– Я... – Иви замолчала, вспомнив свой детский сон, в котором фокусник с добрыми глазами подарил ей этот талисман. Но если по правде, она не знала, откуда он взялся. – Я не помню. Мне кажется, он был у меня всегда. Наверное, я его где-то нашла.

– Да, наверное. – Макс слегка наклонился вперед. – Знаете, иногда конец – это только начало.

– Что?

– Не обращайтесь внимания.

– Вы приехали издалека? – осторожно спросила она. Она уже сомневалась, все ли у него хорошо с головой.

Он улыбнулся одним уголком губ и медленно проговорил:

– Да, пожалуй. Наверное, можно сказать и так. Ждать пришлось долго, но оно того стоило.

– Почему вы обратились именно ко мне? – уточнила Иви. – Просто обычно я занимаюсь оценкой картин, но вы...

– А вы не думали, – перебил ее Макс, пристально глядя ей прямо в глаза, – что вам давно пора перестать оценивать чужие картины и начать создавать свои собственные шедевры?

Он шутил? Если да, то Иви было совсем не смешно. Однако под тканью черных джинсов татуировка с осьминогом у нее на бедре налилась жаром, обжигая.

– Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать, – медленно проговорила она. – Вы хотите заказать картину? Это аукционный дом – мы не создаем новые произведения искусства.

– Очень жаль. – Макс поставил чашку на стол. – Впрочем, это неважно. Я пришел для того, чтобы передать вам эту вещь.

Он вытащил из кармана маленькую фарфоровую фигурку и аккуратно поставил ее на стол перед Иви. Это был декоративный осьминог.

Глава 2

Иви уставилась на осьминога. Он был изящным и странным: жемчужно-белого цвета, с длинными щупальцами, раскинутыми в стороны. Самый кончик одного щупальца был черным, словно его окунули в чернила. На макушке у осьминога торчал маленький крючок, словно фигурка когда-то к чему-то крепилась. В его фарфоровых глазках как будто таилась вся древняя мудрость мира. Татуировка на бедре Иви горела огнем. Щупальца, набитые на ее коже, были ее собственным рисунком, почти идентичным этому фарфоровому осьминогу, что стоял на столе перед ней.

Внезапно Иви вспомнила свой дом, где хранились ее альбомы. Несколько дюжин альбомов, сплошь изрисованных осьминогами. За столько лет она успела нарисовать, наверное, не одну сотню этих удивительных созданий с изогнутыми щупальцами и огромными пристальными глазами. И у каждого из ее осьминогов обязательно было одно щупальце с черным кончиком. Необычная деталь, собственная придумка. Вот почему Иви так поразились, увидев такое же щупальце с черным кончиком у фарфоровой фигурки, которую принес совершенно незнакомый человек.

Иви никогда не пыталась превратить свои наброски в картины – хотя думала об этом и очень хотела, – и она никому их не показывала, никогда. И все-таки у нее было чувство, что Макс Эверли откуда-то знает о ее одержимости осьминогами, которые одновременно завораживали и восхищали; знает о стопке альбомов, хранящихся у нее дома. Она украдкой посмотрела на него и успела заметить, как его взгляд – буквально на долю секунды – скользнул по ее бедру, словно он знал и о татуировке.

– Есть печали, которые кажутся невыносимыми, особенно если пытаешься справиться в одиночку, – тихо произнес Макс. – Я знаю, как это бывает. Но свет, который укажет дорогу из тьмы, есть всегда, уж поверьте.

Иви тряхнула головой, пытаясь собраться с мыслями и вернуть разговор в нормальное русло:

– Я не понимаю. Вы хотите, чтобы я оценила эту вещицу?

– О нет, – сказал Макс. – Я не хочу, чтобы ее оценивали. Она вряд ли имеет какую-то ценность. Это просто подарок. Для вас.

– Я не могу...

– Эта вещь ваша, – настойчиво проговорил Макс. – Она всегда предназначалась вам.

Его голос дрогнул, и Иви с изумлением увидела, как он моргает, сдерживая слезы. Теперь она не сомневалась, что он сбежал из дома престарелых или еще из какого-нибудь заведения для стариков с ментальными проблемами. Возможно, его сейчас ищет целый отряд встревоженных опекунов.

– Вы очень добры, но политика нашей компании запрещает сотрудникам принимать любые подарки от клиентов.

– Я не ваш клиент.

– Я все равно не могу...

– Вы *должны!* – воскликнул он почти в отчаянии. Впервые с момента появления Макс выглядел неуверенным и растерянным. – Все решено. Я сделал все, что должен был сделать со своей стороны. Теперь дело за вами.

– Хорошо, – быстро проговорила Иви, не желая расстраивать старика еще больше. Возможно, надо ему подыграть. – Хорошо. Вы очень добры, и простите меня. Я не хотела показаться неблагодарной.

Он сделал глубокий вздох:

– На день рождения каждому человеку полагается подарок.

– Просто я... Погодите. Откуда вы знаете, что у меня?..

– Спасибо, что уделите мне время.

Макс взял трость и поднялся на ноги, тяжело опершись о край стола. Иви тоже встала. Она сто раз пожалела, что Джеймс впустил этого человека к ней в кабинет.

– Я вас провожу, – сказала она и убрала фарфорового осьминога в карман. Может быть, когда старик будет садиться в такси, она успеет забросить фигурку в салон.

– В этом нет необходимости, – ответил Макс, но без особой уверенности. – Я сам вполне в состоянии найти дорогу.

– Я все равно собиралась выйти на обед, – солгала Иви. – Вызвать вам такси? Или позвонить кому-то, кто сможет за вами приехать?

– Моя дорогая, – сказал он, чуть улыбнувшись, – звонить больше некому.

Иви не знала, что на это сказать, поэтому они молча вышли из кабинета и направились к лифту. Но, когда двери кабины закрылись, Иви поняла, что с Максом что-то не так. Он побледнел, дыхание сбилось, руки задрожали.

– Вам плохо? – спросила она.

– Мне надо столько всего рассказать... – Его голос тоже дрожал. – Но все уже сказано. – Он взмахнул рукой. – Все давно сказано.

Взгляд Иви метнулся к табло, где высвечивались номера этажей. Почему лифт спускался так медленно?! Когда они наконец доехали до первого этажа, она попыталась усадить Макса на диван в вестибюле, но он решительно двинулся к выходу.

– Мне надо на воздух... – сказал он, задыхаясь.

Иви невольно поежилась. Ее охватило дурное предчувствие. Она вышла из здания следом за Максом. Он стоял на верхней ступеньке крыльца и хрипло дышал, жадно втягивая в себя воздух.

– Давайте я помогу вам спуститься, – сказала она, подавая ему руку.

Он встретился с ней взглядом. Улыбка озарила его лицо, и глаза Макса вдруг загорелись юмором и весельем. В них было столько огня, столько радости. Столько жизни.

– Я предпочел бы, чтобы ты вернулась обратно в здание, но я знаю, что ты не уйдешь. Так что да. Я буду признателен тебе за помощь в последний раз.

Это был странный ответ, но Макс в принципе наговорил много странного и совершенно бессмысленного. Сейчас у нее не было времени об этом думать, хотя позже Иви будет не раз вспоминать слова Макса и проигрывать их в голове. В тот момент она просто взяла его под руку, такую тонкую и хрупкую под рукавом старомодного элегантного пиджака. Иви слышала, как хрустели его колени, когда она помогала ему спуститься на одну ступеньку, а затем еще на одну.

– Ваша шляпа, – сказала она, вспомнив, что у Макса была шляпа. Наверное, он оставил ее в гардеробе. – Я сейчас сбегая и принесу...

Она не успела договорить. Макс пронзительно вскрикнул и выронил трость. Он резко наклонился вперед и прижал руку к груди. Потом у него подогнулись колени, и он упал, увлекая Иви за собой.

Она крикнула швейцару у входа, чтобы вызвали скорую, и тот поспешно достал телефон. Вокруг столпились зеваки. Кто-то просто смотрел, кто-то предлагал помощь, хотя чем тут поможешь? Оставалось лишь ждать. Иви присела рядом с Максом и взяла его за руку. Даже ей, человеку далекому от медицины, было ясно, что дело плохо. Его лицо побелело, исказилось от боли, дыхание стало поверхностным и прерывистым.

– Скорая уже едет, – беспомощно проговорила она. – Все будет хорошо.

К ее изумлению, Макс улыбнулся, пусть и с явным трудом:

– Я знаю.

Она посмотрела на его лицо. Глаза совершенно остекленели, словно он ее больше не видел. Словно он не видел вообще ничего.

– Возвращайся в отель. Обещай, что вернешься в отель, – сказал он, еле ворочая языком. – Пожалуйста.

Его глаза на мгновение прояснились, и в них было столько отчаяния, что Иви кивнула, хотя понимала, что он обращался к кому-то другому. К кому-то из далекого прошлого. Видимо, под конец Макс обрел ясность сознания, потому что, когда он заговорил снова – в последний раз, – то назвал ее по имени.

– Спасибо, Иви. – Он на миг сжал ее ладонь. – Ты меня спасаешь.

Она попыталась придумать ответ, но не успела. Рука Макса обмякла, жизнь и свет померкли в его глазах, которые сделались тусклыми и абсолютно пустыми. Иви знала – еще до того, как прибывшие через пару минут врачи скорой помощи подтвердили ее догадку, – что человека по имени Макс Эверли больше нет. Его смерть констатировали на месте, вскоре после полудня. Иви не знала его – они общались не больше десяти минут и обменялись лишь парой дюжин фраз, – но ей все равно было грустно, когда она отпустила его хрупкую руку и смотрела, как его укладывают на носилки.

Ей вдруг пришло в голову, что сегодняшнее происшествие лишь закрепит ее прозвище среди коллег. Вот уж действительно Черная вдова.

Глава 3

Франция – годом позже

Иви бродила по рынку, старательно не обращая внимания на кролика, который вновь увязался за ней по пятам. Ее руки заметно дрожали, когда она закурила и глубоко затянулась. Решение сесть на паром до Сен-Мало было спонтанным. Иви надеялась, что за границей будет легче пережить очередной день рождения. Здешняя антикварная ярмарка разительно отличалась от тех, которые она регулярно посещала дома. На самом деле это был самый обычный блошинный рынок, где продавались всякие безделушки, свитера ручной вязки и старые книги. Иви не ожидала найти на этих развалах что-нибудь интересное, но ей нужно было чем-то себя занять.

Сегодня она несколько раз вспоминала Макса Эверли. Их прошлогодняя встреча была печальной и странной. Иви никогда раньше не видела, как умирают люди. Это было единственным небольшим утешением в случае с ее сестрой. Иви хотела разыскать родственников Макса, чтобы отдать им фарфорового осьминога, но не знала, с чего начать. При нем не нашли никаких документов, да и имя усопшего врачи знали лишь потому, что им его назвала Иви. Ей было грустно от мысли, что никто из родных или просто знакомых не пришел проводить его в последний путь.

Еще у Иви осталась его фетровая шляпа, которую она забрала из гардероба. Старая и потертая, эта шляпа совершенно не подходила к его элегантному костюму. На внутренней этикетке обнаружили инициалы М. Э., рядом с ними была нарисована нота. Иви вновь поразила невероятному совпадению: этот странный старик был полным тезкой ее любимого композитора. Выбрасывать шляпу почему-то казалось неправильным, но за ней никто не пришел, и в конце концов Иви забрала ее домой, вместе с фарфоровым осьминогом.

Она искала информацию о Максе Эверли в интернете, но это было заведомо бесполезно. Все поисковые системы выдавали ей только известного композитора Макса Эверли, жившего в первой трети XX века. Иви вновь просмотрела старые фотографии, которые видела уже сотни раз: портретный снимок семнадцатилетнего Эверли в лейтенантской форме, сделанный незадолго до того, как он отправился на войну; несколько фотографий с музыкальных концертов; пара снимков с шикарных вечеринок. Композитор Макс Эверли был интересным, красивым мужчиной с темными волосами и черными магнетическими глазами. В ранней юности Иви даже немного влюбилась в него, когда впервые открыла для себя его музыку. Впрочем, «влюбилась» – не совсем верное слово. Скорее это была одержимость. Однако от всех его сохранившихся фотографий веяло чем-то тревожным, почти пугающим. Может быть, потому, что он исчез в 1935 году и до сих пор неизвестно, что с ним случилось. Неизвестность пугала, неизвестность казалась неправильной. Однажды он как будто шагнул за пределы этого мира и канул в небытие, присоединившись к обширному клубу пропавших без вести вместе с Амелией Эрхарт, Гленном Миллером и командой «Марии Целесты». Исчезновение Эверли стало еще более загадочным, когда шестьдесят пять лет спустя неожиданно «всплыл» чемодан, полный нот – записей его ранее неизвестных произведений.

Фарфоровый осьминог, доставшийся Иви от современного Макса Эверли, действительно не имел никакой антикварной ценности, но все равно очень ей нравился. Пожалуй, она даже его полюбила. Он был в точности как осьминоги на ее рисунках, один в один. Сейчас он стоял на тумбочке у кровати в ее спальне, и она вспомнила о нем в ту секунду, когда свернула за

угол на уличном рынке в маленьком французском городке и оказалась прямо перед чайными чашками.

На прилавке была расставлена разномастная фарфоровая посуда, включая чайный сервиз необычного лавандового цвета с серым отливом, где каждый предмет был украшен рисунком с изображением белого осьминога. Точно такого же белого осьминога, что стоял у нее дома на тумбочке. С точно таким же черным пятном на кончике одного щупальца. Иви подошла к прилавку и на ломаном французском спросила у продавщицы, можно ли ей осмотреть сервиз. Ее специализацией были картины, но она немного разбиралась в антиквариате и поняла с первого взгляда, что этому чайному сервизу явно больше пятидесяти лет и что он превосходного качества. В голове мелькнули названия известных французских фабрик вроде Лиможской мануфактуры и Севрской фарфоровой мануфактуры, но, когда Иви осторожно взяла в руки блюдце и перевернула его, на донце не было никакого фабричного клейма.

Да, чайный сервиз был необычайно изысканным и красивым, но в довольно плохом состоянии. Сахарница со сколами, как и некоторые блюда. Ручка молочника когда-то отбилась, и ее приклеили обратно. Почти все чашки треснуты. Заварочный чайник отсутствовал вовсе. Будь этот сервиз в идеальной сохранности, возможно, он стоил бы приличных денег, но в таком состоянии не стоил вообще ничего. Тем не менее Иви не могла отвести взгляд от чашки, которую схватила. Иви спросила у продавщицы, откуда взялся сервиз, однако ответ был слишком быстрым, а Иви не так хорошо знала французский. Но одно слово она поняла: *hôtel*.

«Возвращайся в отель...»

Слова Макса так явственно прозвучали в голове, словно он стоял рядом. Иви попробовала расспросить продавщицу подробнее, но та не горела желанием вступать в беседу.

– Отель закрылся, – раздраженно проговорила она по-английски.

Было ясно, что ей хочется уделить больше внимания другим покупателям, собравшимся у прилавка, – с ее точки зрения, более перспективным, – поэтому Иви достала бумажник и спросила, сколько стоит чайный сервиз с осьминогами. Уже совсем скоро она побрела прочь вместе с посудой, наспех завернутой в рыхлую бумагу и разложенной по двум пластиковым пакетам из супермаркета. Вернувшись в свой номер в гостинице, Иви долго рассматривала каждый предмет из сервиза, восхищаясь изысканной красотой нарисованных осьминогов и поражаясь столь странному совпадению.

Вернувшись домой из поездки во Францию, она в первый же день принесла на работу одну из лавандовых чашек, чтобы показать Кейт. С тех пор как Иви случайно подслушала замечание о мисс Скарлет, Кейт старательно ее избегала. Но девушка специализировалась на старинном фарфоре, и Иви решила ее расспросить, несмотря на возможную неловкость.

– Я не знаю такую марку, – сказала Кейт. – Скорее всего, этот сервиз сделали на заказ на какой-нибудь маленькой региональной фабрике. Чашка красивая, но почти ничего не стоит.

– А как узнать ее происхождение? – спросила Иви. – Продавщица сказала, что это сервиз из отеля.

Кейт пожала плечами и вернула чашку Иви:

– Это вряд ли сужает круг поиска, хотя... погоди. Дай-ка я посмотрю еще раз.

Иви снова отдала чашку, и Кейт внимательно ее осмотрела.

– Среди сотрудников аукционных домов бытует легенда, – наконец проговорила она. – То ли миф, то ли предание. Об отеле «Белый осьминог». Не слышала?

Иви покачала головой.

– Мне рассказал куратор, когда я только начала здесь работать. Помнишь Виктора Харриса? Замечательный человек. Он вышел на пенсию года три назад. Он говорил, что когда-то существовал прекрасный отель под названием «Белый осьминог», который славился волшебными вещами.

Иви подняла бровь:

– Волшебными вещами?

Кейт кивнула:

– Часы, которые поворачивают время вспять. Телефон, по которому можно поговорить с умершим человеком. Все в таком роде. В общем, чистой воды вымысел. Сперва я решила, что Виктор все выдумал, чтобы меня позабавить, но потом я услышала эту историю и от других людей. Отель закрылся при весьма загадочных обстоятельствах, а всю мебель и вещи распродали на разных аукционах по всей Европе. Но это, конечно же, просто волшебная сказка.

Иви было нетрудно поверить в волшебные сказки. Она уже верила в чудовищ. И в призраков. Она точно знала, что в жизни случаются странные, необъяснимые вещи. Татуировка в виде осьминога слегка жгла. Сегодня она была на ключице, в опасной близости к шее и вороту водолазки. К счастью, татуировка почти никогда не поднималась на лицо, так что Иви обходилась длинными рукавами и высокими закрытыми воротниками. Но сейчас Иви почувствовала – она как раз думала, что пора уходить, – как кончик щупальца выбрался из-под ворота водолазки и потянулся к подбородку. К несчастью, движение привлекло внимание Кейт. Она посмотрела на Иви и вздрогнула:

– Что это?..

Иви быстро прикрыла шею рукой и поднялась из-за стола:

– Спасибо, что уделила мне время.

– Э-э-э... да, конечно. Всегда пожалуйста.

Иви забрала чашку и быстро вернулась к себе в кабинет. Она очень надеялась, что Кейт никому не расскажет о щупальце. Возможно, она вообще не успела его разглядеть. И все равно ей никто не поверит. Татуировки не двигаются по телу. Это известно всем.

Иви поставила чашку с осьминогом на стол и включила компьютер. Набрала в строке поиска «отель белый осьминог», особо не надеясь на результат. Скорее всего, ничего не найдется. Но поисковик выдал несколько страниц ссылок, и все заголовки были примерно на одну тему:

«Белый осьминог» и другие заброшенные гостиницы...

Неопределенное будущее некогда славного отеля «Белый осьминог»...

Дом известного живописца Николаса Рота медленно разрушается...

Взгляд Иви зацепился за последний заголовок. Она узнала о Николасе Роте в университете. Известный художник викторианской эпохи, живописец, обласканный критиками-современниками, которые превозносили его работы, называя их мрачными, мощными, завораживающими, опередившими свое время. Его полотна были очень востребованны у частных коллекционеров, но, насколько знала Иви, еще никому не удалось заполучить подлинник Рота, хотя за него предлагали запредельные суммы. Николай Рот был эксцентричным отшельником, никогда не давал интервью и редко покидал свой дом в Швейцарских Альпах. Он не только отказывался продавать свои картины или передавать их музеям для временной экспозиции, но и строго-настрого запрещал фотографировать экспонаты на частных выставках.

Известно, что все эти выставки он проводил исключительно в одном месте, а именно – в коридорах и общественных залах принадлежавшего ему отеля. В сети периодически появлялись запретные снимки, на которых якобы запечатлены картины Николаса Рота, но большинство из них эксперты назвали подделками и мистификациями. Однако существует фотография, сделанная в 1927 году, которую современные искусствоведы считают подлинной. Снимок вышел нечетким и слишком зернистым, так что разглядеть детали картины практически невозможно, и в кадр попал только малый фрагмент полотна, а также стоящий рядом с картиной мужчина – предположительно сам Николай Рот. Мужчина на снимке был высокий, седой, элегантно одетый, но он стоял спиной к зрителю и лица его было не видно.

После смерти Николаса Рота в середине 1930-х годов все его картины таинственным образом исчезли. Иви не теряла надежды, что когда-нибудь хоть одна из картин Рота найдет путь к их аукционному дому, как это произошло с музыкой Макса Эверли. Это будет сенсационная находка!

Она нажала на ссылку, где упоминался художник, и оказалась на сайте, посвященном истории искусства. Там не было ни единого упоминания о волшебных вещах, но в статье говорилось, что Николас Рот жил и работал в своем фамильном особняке на берегу горного озера в Швейцарских Альпах и что в самом начале XX века особняк с прилегающей к нему территорией был открыт для публики как курортный отель под названием «Белый осьминог»:

В эру расцвета так называемых гранд-отелей «Белый осьминог» по праву считался одним из лучших образчиков швейцарской архитектуры Прекрасной эпохи. Жемчужно-белая каменная отделка, балконы с фигурными коваными решетками и асимметричные башенки придавали ему сходство со сказочным замком, находящимся в идеальной гармонии с красотой окружающей его альпийской природы.

На протяжении нескольких десятилетий отель «Белый осьминог», насчитывавший тридцать шесть номеров, был весьма популярен у публики. Гости съезжались со всей Европы, чтобы насладиться знаменитым послеобеденным чаем на застекленной веранде, поправить здоровье в минеральной купальне, чьи стены выложены изящной орнаментальной мозаикой, и прогуляться по залу фонтанов, особенно восхитительному на закате. В наши дни от былого великолепия «Белого осьминога» остался только заброшенный остов, и, как это ни прискорбно, похоже, что бывший дом Рота обречен лежать в руинах...

Иви не дочитала статью до конца, потому что увидела посреди текста фотографию отеля. Действительно очень красивое здание – скорее маленький замок, чем особняк, – с элегантными белыми шпилями, словно пронзающими ослепительно синее небо. На переднем плане сверкало на солнце кристально чистое озеро, на заднем плане виднелись величавые горные вершины. Но Иви смотрела только на отель. Она узнала его. Как будто случайно столкнулась на улице со старым другом, которого не видела много лет. Иви ощутила внезапный прилив тихой радости и ностальгии, необъяснимую тоску по далекому дому и горечь утраты. Она знала этот отель. Она бывала там раньше.

Глава 4

Иви не могла вспомнить, когда именно посещала «Белый осьминог». Наверняка очень-очень давно, в раннем детстве. Возможно, во время семейной поездки на отдых, когда Белла была жива и все еще не пошло под откос. Иви никогда не говорила с родителями о том далеком прошлом. Даже когда жила дома. Это негласное правило в их семье: ни слова о былом. Но иногда перед Иви всплывали приятные моменты: прогулки в парке, где они с мамой кормили уток на пруду; поездки на автобусе в город за новыми туфлями; большой кондитерский магазин, где пахло пряностями и карамелью и конфеты лежали в огромных стеклянных банках, где тебе выдавали бумажный пакет и разрешали наполнить его самостоятельно под присмотром родителей. Это были такие обычные, такие счастливые мгновения... по крайней мере в самом начале.

Но, открыв другие ссылки, Иви прочла, что отель закрылся навсегда еще в 1935 году, а именно 27 ноября, во время знаменитой «последней вечеринки». Более чем за полвека до рождения Иви. Она нахмурилась, глядя на экран. Если отель был закрыт, то как она может его помнить? В статье говорилось, что гости и персонал покинули «Белый осьминог» все вместе, за одну ночь. Оставили недопитые бокалы с шампанским в бальном зале и недокуренные сигары в курительной комнате. В библиотеке обнаружилась прерванная на середине шахматная партия, в бильярдной – шары, раскатившиеся по столу. Люди просто бросили все и уехали.

Что-то странное случилось в отеле в ту ночь, с этим все были согласны. Иначе с чего бы обитатели «Белого осьминога» вдруг решили уехать в разгар вечеринки? Особенно если принять во внимание, что на улице было морозно, шел снег, а до ближайшего городка было несколько миль. Ходили слухи, что гости оставили в гардеробе шубы и теплые пальто. Но эту тайну так и не разгадали, и отель не открылся заново. Похоже, он располагался в той части Альп, которая вышла из моды у состоятельных туристов, а инвесторов, заинтересованных в том, чтобы вернуть отель к жизни, так и не нашлось. Это была странная история, и Иви понимала, что некоторые ее элементы явно приукрашены и доведены до предела, за которым реальность уступает место фантазии. И все же Иви нравилось думать, что ее чайный сервиз, возможно, когда-то украшал обеденный зал на веранде «Белого осьминога».

Прошло несколько дней, а потом и недель. Необычная история отеля никак не отпускала Иви. В свободное время она только и делала, что искала информацию о «Белом осьминоге» и рассматривала фотографии в интернете. На работе она отвлекалась, не могла сосредоточиться на картинах, ходила растерянная и погруженная в свои мысли. Даже ее сны были наполнены звоном бокалов и белыми щупальцами.

Она просыпалась посреди ночи и уже не спала до утра, думая об отеле. Она рисовала его в альбомах. Сначала – общий вид здания, потом залы и номера, как она себе их представляла. Смесь старинного особняка из игры «Клуэдо» и волшебного замка из мрачной сказки. Иви не покидала уверенность, что она все же *бывала* в «Белом осьминоге», хотя и знала, что этого быть не могло. Она часами листала свои альбомы, сплошь заполненные гигантскими глазами и изящными щупальцами, растекавшимися по страницам, и у каждого из осьминогов обязательно было щупальце с черным кончиком.

В один дождливый воскресный день, исследуя виртуальные лабиринты многочисленных кроличьих нор в интернете в поисках информации об отеле, Иви наткнулась на давно просроченное объявление о предмете, который был продан в другом аукционном доме в прошлом году. Это было отделанное позолотой меню с названием отеля «Белый осьминог» в самом низу лавандовой с серым отливом страницы. Иви сразу узнала этот приметный цвет. Плюс к тому в верхней части стояла печать с эмблемой белого осьминога – точно такого же, как фарфоровая

статуэтка, которую подарил Иви Макс Эверли, и как рисунки на чайном сервизе, купленном во Франции.

Она расспросила других сотрудников аукционного дома. Большинство из них даже не слышали об отеле «Белый осьминог». Некоторые вроде бы знали об этой истории, но, как и Кейт, считали ее легендой. Вскоре стало понятно, что на работе она ничего нового не узнает, но интерес к «Белому осьминогу» был сродни неутолимой жажде. Наконец Иви решила обратиться к Виктору, оценщику, о котором говорила Кейт. Иви встречалась с ним несколько раз до его ухода на пенсию, и он всегда был дружелюбным и приятным в общении. Она без труда узнала в отделе кадров его нынешний адрес и номер телефона, притворившись, что нашла его старые документы, которые нужно вернуть. Она подумывала предварительно позвонить, но потом рассудила, что лучше сразу поехать к нему. Вряд ли он ее помнит, и ей будет проще общаться с ним лично.

Иви отправилась к Виктору домой солнечным субботним утром, захватив с собой белого фарфорового осьминога, подарок от Макса Эверли. Гости, которые заявляются без приглашения и предупреждения, были для Иви сущим кошмаром, и, уже позвонив в дверь, она задумалась, что, наверное, стоило бы принести угощение. Может быть, сладкий пирог? Или набор пирожных? Впрочем, теперь поздно бежать в кондитерскую. Иви стиснула зубы, поняв, что Белла наверняка принесла бы пирожные.

Дверь открылась, из нее выглянула женщина средних лет в белом халате медсестры и приветливо поздоровалась.

– Здравствуйте, – ответила Иви. – Виктор дома?

Женщина кивнула:

– Я Молли, его сиделка. Он вас ждет? Он не предупредил, что у него будут гости, но он временами бывает забывчив.

– Нет, он меня не ждет, – призналась Иви. – Я его бывшая коллега.

– Из аукционного дома?

– Да. Меня зовут Иви Шоу. Я хотела с ним поговорить о... работе.

Молли с сомнением сморщила лоб:

– Он уже давно вышел на пенсию...

– Я знаю, но это важно.

Молли пожала плечами:

– Я спрошу. Думаю, он будет рад поболтать с бывшей коллегой.

Она улыбнулась и ушла в дом, но вернулась буквально через полминуты и пригласила Иви войти:

– Проходите. Он в гостиной, прямо по коридору.

– Спасибо.

Иви прошла в указанном направлении и обнаружила большую комнату, буквально заваленную книгами. Виктор сидел в кресле с пледом на коленях и книжкой в мягкой обложке в руках. Когда Иви вошла, он отложил чтение, снял очки и пристально посмотрел на нее. Виктор стал заметно худее с тех пор, как Иви его видела в последний раз, и сильно сдал, но взлохмаченная копна седых волос и добрые карие глаза остались прежними.

– Извините, что я пришла так неожиданно, – сказала Иви, борясь со смущением. – Вы, наверное, меня не помните. Я работаю в «Стенли», и...

– Да, Молли сказала, – ответил Виктор. – Простите, что не встаю, но сегодня у меня особенно разболелись колени. Садитесь, пожалуйста. – Он указал на диван напротив его кресла. – И кстати, я вас помню. Вас называют Черной вдовой. Возможно, вас бы так не называли, если бы вы хоть иногда улыбались...

Иви тут же решила, что не улыбнется ни разу за время визита:

– Мне все равно, как меня называют.

Виктор пожал плечами:

– Вы пришли поговорить об отеле «Белый осьминог», как я понимаю?

– Вам звонила Кейт? – удивленно спросила Иви.

– Нет.

– Тогда откуда вы знаете?

Он поднял бровь:

– А зачем же еще человеку из аукционного дома неожиданно-негаданно приходиться ко мне в гости?

Как только Иви села на диван, в гостиную вошла Молли с подносом в руках, неся чай и печенье.

– Я все закончила, – весело объявила она. – Вернусь ближе к вечеру. Не забудьте принять лекарства после обеда.

Хлопнула входная дверь, и они остались вдвоем.

– И какую же вещь вы нашли? – любопытно спросил Виктор.

– Что, простите?

– Вещь из отеля. – В его голосе отчетливо слышались нотки нетерпения, почти жадности. – Я полагаю, вы нашли какой-то предмет из отеля «Белый осьминог». Не слишком ли смело надеяться, что вы принесли его с собой?

Иви достала из сумки фарфорового осьминога, завернутого в папиросную бумагу, и аккуратно его развернула.

– Можно посмотреть? – спросил Виктор, протянув руку.

Она передала ему осьминога. Он снова надел очки и внимательно, чуть ли не благоговейно осмотрел статуэтку со всех сторон.

– И что он делает? – уточнил Виктор.

– В каком смысле?

Он уставился на Иви:

– Какое у него волшебное свойство?

Иви пристально взглянула на него:

– Вы действительно думаете, что вещи из «Белого осьминога» имеют какие-то волшебные свойства?

Он опять поднял бровь:

– Я не думаю – я это знаю. Испытал на себе. Как я понимаю, вы тоже. Иначе вы бы не проявляли такого интереса.

Иви забрала у него осьминога, понимая, что Виктор ждет какого-то объяснения, но она не могла сказать ему правду. По крайней мере не всю. Она не хотела упоминать о татуировке, которая сейчас медленно ползла вверх по спине, об альбомах для рисования и о ее собственных осьминогах с черным пятнышком на кончике щупальца. Виктор наверняка спросит, когда и почему она начала их рисовать, а Иви совсем не жаждала этим делиться, особенно с незнакомым человеком.

– Кейт рассказала мне об отеле, – сообщила Иви. – Мне захотелось узнать о нем больше, потому что эта фигурка попала ко мне при... необычных обстоятельствах.

Ей живо вспомнилось, как Макс Эверли поставил фарфорового осьминога на стол и произнес с теплотой в голосе: *«На день рождения каждому человеку полагается подарок...»* Вспомнилось, как она держала его за руку и ощутила странную боль потери.

– Я уже очень давно интересуюсь отелем «Белый осьминог», – начал Виктор. – Я пятьдесят лет проработал в аукционных домах, и время от времени, если очень везло, на торгах появлялись предметы поистине замечательных свойств. Я знаю о нескольких, но ничто не сравнится с музыкальной шкатулкой. Эту шкатулку я видел своими глазами, когда работал во Франции.

Мне тогда было лет двадцать пять. Я слышал о «Белом осьминоге», но, конечно, думал, что это миф, – как и все поначалу. Некоторые предметы из этого отеля известны многим аукционистам. Например, каждый, кто хотя бы немного интересуется «Белым осьминогом», знает, что по телефону из курительной комнаты можно было поговорить с кем-то из умерших близких, но лишь один раз. Другие предметы, например гостевая книга или ваш осьминог... их магическое назначение остается загадкой. Но музыкальная шкатулка очень даже известна в кругах фанатов «Белого осьминога».

– И чем же?

Виктор улыбнулся.

– Музыкальная шкатулка, – тихо произнес он, – совсем не такая, какой вы, наверное, ее представляете. Она больше похожа на детскую игрушку с крошечными мышками-музыкантами. Но она играет самую красивую на свете музыку.

Иви вздохнула, чувствуя, как угасает интерес.

– Восприятие музыки всегда субъективно, мистер Харрис, – подчеркнула она. – Невозможно определить, какая музыка будет самой красивой на свете. Такой музыки нет.

Виктор покачал головой:

– Чтобы это понять, ее нужно услышать. То же самое верно для многих волшебных предметов.

– И что стало с этой музыкальной шкатулкой?

– Разумеется, она была продана. Частному коллекционеру.

– А вы видели другие предметы из «Белого осьминога»? – спросила Иви.

Виктор кивнул:

– У меня есть ключ от одного из номеров. Двадцать седьмого. Одно время ходили слухи, что с его помощью можно перенестись в прошлое и посетить отель в период его расцвета. Однако эта теория была давным-давно опровергнута, поскольку, судя по всему, в отеле нет такой комнаты. Человек, у кого я купил ключ, рассказал, что он ездил в отель – до которого, как я понял, довольно сложно добраться, – но не смог найти дверь с номером двадцать семь. К сожалению, такие подделки и ложные следы появляются время от времени. Предметы из «Белого осьминога» отследить сложно, потому что многие продажи проходят в частном порядке. Это большой секрет аукционных домов. Те из нас, кто о них знает, носили значок с изображением осьминога. Для посторонних он ничего не значил, но для членов закрытого клуба это был своеобразный сигнал, способ опознать друг друга. К тому времени, когда я вышел на пенсию, я уже очень давно не встречал людей с такими значками. Возможно, эта традиция умерла. Мой коллега Джордж был большим энтузиастом, и ему повезло найти очки для чтения. Вы о них знаете?

Иви отрицательно покачала головой.

– Они позволяют увидеть то, что человеку необходимо увидеть в конкретный момент. Как только Джордж их надел, он увидел, как в дверь вошла женщина. Его будущая жена, как потом оказалось.

– Она все равно бы вошла – независимо от того, надел он очки или нет, – возразила Иви. – Это не волшебство. Просто совпадение и самовнушение.

Виктор пожал плечами:

– Может быть. А может быть, и нет. Когда дело касается «Белого осьминога», есть две группы людей: те, кто верит в его волшебство, и те, кто не верит. Но одно я знаю точно: прямо у вас на коленях лежит частичка отеля, и она к вам попала не просто так. В этом фарфоровом осьминоге есть что-то волшебное и удивительное, даже если вы сами не знаете, что именно. Так оно и происходит.

Иви завернула осьминога в папиросную бумагу и убрала его в сумку. Визит вышел безрезультатным, как, впрочем, и все остальное: этот мир, эта жизнь, это тягостное ожидание, когда

все закончится. Иви злилась на себя за то, что возлагала на этого старика столько надежд, и ей ужасно хотелось курить.

– Не знаю, выпускают ли их до сих пор, но раньше были каталоги для покупателей, – продолжил Виктор. – В том числе и каталоги предметов из «Белого осьминога». Где они появлялись в последний раз, за сколько их продали, каковы их волшебные свойства, если известно. И там была одна вещь, которую мне отчаянно хотелось приобрести. – Он секунду помедлил. – На самом деле я искал его почти сорок лет. Лист писчей бумаги из отеля.

– Дайте угадаю, – сказала Иви. – Этот лист дарит возможность написать самое прекрасное на свете любовное письмо?

Виктор мотнул головой. Он больше не улыбался:

– Нет. Этот лист дарит возможность написать письмо в прошлое себе самому.

У Иви перехватило дыхание, она буквально физически ощутила, как в сердце вспыхнула крошечная и коварная искра надежды – горячая, яркая и пугающая. Неужели такое возможно? Неужели столь мощная магия существует в реальности? Иви знала, что лучше не задаваться вопросами из разряда «что было бы, если...». Психотерапевты, которых она посещала на протяжении многих лет, в один голос твердили, что такие вопросы не помогают, а только вредят. Но они все равно возникали, эти вопросы, и от них было не скрыться.

Что, если бы Белла не умерла? Что, если бы родители не развелись? Что, если бы Иви жила самой обычной жизнью и ее не преследовали бы кролики? Один из них – белый, с черным пятном вокруг глаза – прямо сейчас прыгал по полу и деловито обнюхивал тапочки Виктора. Иви старательно делала вид, что не замечает кролика, и пыталась сдерживать озноб страха.

– Вы упомянули значок с осьминогом, – через силу проговорила она. – Это какой-то определенный значок?

– Нет, подойдет любой осьминог, – ответил Виктор. – Однажды в Берлине я видел аукциониста, у которого был значок в виде одного щупальца. Могу отдать вам мой старый значок, если хотите. Мне он больше не пригодится. И мне нравится мысль, что он снова будет в деле.

– Если вам не жалко, – произнесла Иви. – Спасибо.

Виктор тяжело поднялся с кресла и прошаркал в соседнюю комнату, оставив Иви одну. Пока его не было, она оглядела гостиную и увидела на стене коллекцию сигаретных карточек в большой раме под стеклом. По работе она иногда сталкивалась с сигаретными карточками, и ей всегда нравились эти крошечные, часто очень красивые картинки от анонимных художников, которые многие табачные компании когда-то вкладывали в пачки сигарет. Она видела обширную коллекцию Эдварда Уортона-Тайгара в Британском музее и портретные карточки в Национальной портретной галерее. Они отражали интересы и чаяния людей того времени, и иногда их называли энциклопедией для бедных. У Иви даже была своя собственная небольшая коллекция: все пятьдесят вкладышей серии «Сокровища мирового искусства», выпущенных табачной компанией Джозефа Миллхоффа в 1926 году.

Но таких карточек, как у Виктора, Иви раньше не видела: серия «Измерения времени» от табачной компании «Моррис и сыновья» 1924 года. Как явствует из названия, на карточках были изображены различные приспособления для измерения времени. Водяные, песочные и солнечные часы, а также менее известные приборы вроде египетской клепсидры³, китайской свечи с узелковым фитилем, лампы-хронометра XVI века и подвесных шарообразных часов XVII века.

– Я и не знала, что есть столько способов измерения времени, – заметила Иви, когда Виктор вернулся.

³ Прибор (иначе называемый водяные часы), в котором уровень воды, каплями падающей в сосуд, указывает протекшее время.

– Интересно, правда? – ответил он. – Мы, люди, – единственный биологический вид, который испытывает потребность измерять время. Вот, возьмите. – Он протянул Иви крошечный эмалированный значок в виде осьминога. – У меня к вам будет просьба. Если вам когда-нибудь попадется лист писчей бумаги, пожалуйста, дайте мне знать. Я бы очень хотел поучаствовать в аукционе.

– Да, конечно, – сказала Иви. – Но я попрошу об ответной услуге.

– Слушаю.

– Ключ от двадцать седьмого номера еще у вас?

Виктор секунду помедлил:

– Да.

– Можете мне его одолжить?

– Вряд ли он вам пригодится, – ответил Виктор. – Как я уже говорил, в отеле такого номера нет. Но... мне он, в общем, без надобности. Можете взять.

Через пару минут Иви вышла из дома Виктора с маленьким латунным ключом, совершенно обычным, если не считать головки с рельефным изображением осьминога, держащего в щупальцах цифры 2 и 7. Иви закурила, едва выйдя за дверь. Как всегда, она не смогла сдержать дрожь при виде числа 27. Двадцать седьмого числа у нее день рождения. День, когда все изменилось.

Ей стало стыдно за свою ложь Виктору. Конечно, она не скажет ему, если найдет лист писчей бумаги из «Белого осьминога». Конечно, нет. Она не скажет вообще никому. Если такая вещь существует и если Иви ее найдет, она оставит ее себе. Потому что если это *и вправду* волшебная бумага и если она попадет в руки Иви, то у нее будет шанс, пусть даже и малый, исправить свою самую большую ошибку, отменить самое страшное событие в ее жизни.

Глава 5

На следующий день Иви расставила чайный сервиз на маленьком столике на кухне. Наполнила сахарницу и молочник, налила в чашку свежесваренный чай. И все это время задавалась вопросом, произойдет что-нибудь или нет, не проявится ли волшебство. Иви добавила в чай сахара и молока, хотя обычно пила чай несладким. Почему-то казалось, что надо использовать как можно больше предметов из гостиничного сервиза. Иви поднесла ко рту чашку, такую тонкую, элегантную и совсем не похожую на старую кружку, из которой обычно пила чай. От поверхности поднимался пар, и, сделав первый глоток, Иви слегка обожгла губы.

Ничего не произошло. Это был просто чересчур сладкий чай в красивой чашке. Иви поставила чашку обратно на блюдце и покачала головой. Так глупо. Надо быть полной дурой, чтобы верить в волшебство – тем более в волшебство, которое могло бы привести к искуплению. Никакого прощения не будет – для таких, как Иви, его в принципе не бывает.

Она залпом выпила чай, почти наслаждаясь жжением в горле, и снова поставила чашку – теперь пустую – на блюдце. И вдруг в голове Иви словно вспыхнул ослепительный свет. Она вскрикнула и вскочила со стула, но была уже не на своей кухне. И не собой.

Иви оказалась в больничной палате. Одетая в халат медсестры, она обмывала культю ампутированной ноги молодого солдата. Рядом стоял граммофон, на котором играла пластинка. Какая-то музыка в стиле регтайм. Иви явственно чувствовала запах антисептика, сигаретного дыма и свежеспеченных кренделей.

«Придешь сегодня на прощальный ужин?» – спросил молодой человек, глядя прямо на нее.

«Надо будет позвать и сестру-хозяйку, – сказал кто-то другой. – Нельзя, чтобы за столом было тринадцать человек».

А потом все исчезло, Иви вернулась на свою кухню, и на ней снова была обычная одежда. Стул упал, но все остальное осталось прежним. Иви тяжело задыхалась, когда поняла, что Виктор был прав. Чайный сервиз действительно обладал определенным волшебным свойством. Он позволял заглянуть в жизнь другого человека из другого времени. Иви сразу же заварила новую порцию чая, но больше никаких видений не было – ни в тот день, ни на следующий. Возможно, каждому было положено только одно перемещение. Но это странное переживание укрепило решимость Иви разыскать писчую бумагу.

На следующий день Иви позвонила отцу и описала ему отель «Белый осьминог», но отец лишь озадаченно хмыкнул.

– Да, однажды мы ездили в Швейцарию, когда ты была совсем маленькой, – сказал он. – Но мы останавливались в небольшой деревенской гостинице. Все остальное в то время нам было не по карману. А гранд-отель так уж точно.

– Это Иви? – раздался на заднем плане голос Сьюзи, мачехи. – Спроси у нее, когда она придет к нам обед.

– Ты слышала? – уточнил папа.

– Да, – ответила Иви. – Обещаю, что скоро.

Иви познакомилась со Сьюзи, когда ей было восемь лет, а два года спустя с радостью приняла Сьюзи в качестве мачехи. Та была доброй, веселой, заботливой и всегда относилась к Иви как к родной дочери. Огромная любовь Сьюзи была неизменной, надежной и безотказной.

Закончив разговор с папой, Иви долго стояла с телефоном в руке. Но ничего не поделаешь, придется звонить маме. Когда они общались в последний раз? Наверное, на Рождество, когда Иви пригласила маму в гости на сладкие пирожки, которые испекла сама. В надежде... на что? Она толком не помнила. В надежде на что-то обычное. На что-то настоящее.

Рождество всегда было для Иви временем непростым, потому что, когда нет работы, ей попросту нечем занять дни. У Иви было мало друзей, так как она сторонилась людей. Говорят, что нельзя тосковать по тому, чего у тебя никогда не было, но Иви порой задавалась вопросом, как же так получилось, что она стала такой одинокой? Она чувствовала пустоту предстоящих лет и не видела смысла идти вперед.

«Вам же хочется установить более тесные отношения с мамой, верно? – сказал ей нынешний психотерапевт. – Ну, так надо с чего-нибудь начинать».

Так что Иви пригласила маму к себе, испекла сладкие рождественские пирожки, но, как только мама вошла в квартиру, все сразу стало неправильно. Как будто ты пригласила в гости коллегу, с которой, как тебе показалось, вы могли бы подружиться, но потом ты поняла, что вам лучше не выходить за пределы профессионального общения. Мама, должно быть, почувствовала то же самое, потому что пробыла всего полчаса, а потом извинилась и ушла.

Иви вздохнула, и сердце ее забилось быстрее, когда она поднесла палец к маминому номеру в контактах. Скорее всего, мамы вообще нет в стране. В последнее время она почти постоянно жила за границей. Работа фотографом предполагала командировки по всему миру. Одна из многих причин, по которой Иви не решалась позвонить маме, заключалась в том, что она боялась ее разбудить, ведь та могла быть где угодно, в любом часовом поясе.

Наконец Иви все же нажала на номер, и мама ответила уже на втором гудке:

– Иви? У тебя все в порядке?

– Да, все хорошо. Я... э-э-э... Извини, что звоню, но мне нужно кое о чем спросить.

– О чем? – насторожилась мама.

– Когда я была маленькой и мы ездили в Швейцарию, мы бывали в отеле «Белый осьминог»?

На другом конце линии повисла тишина.

– А почему тебя интересует «Белый осьминог»? – наконец спросила мама.

– Значит, мы там *бывали*?

– Ну, наверное, можно сказать и так.

– В каком смысле?

Мама секунду помедлила и произнесла:

– Приезжай ко мне, если хочешь.

– Ты дома? – поинтересовалась Иви.

– Ненадолго. Вечером улетаю обратно в Марракеш.

Иви сильно удивило приглашение. Она уже много лет не бывала в их старом доме, хотя до него было ехать всего полчаса.

– Хорошо, – ответила она, пытаясь не выдать волнения. – Сейчас приеду.

* * *

Иви вышла из автобуса и зашагала по улице к дому своего детства, где она жила до шести лет. Когда родители развелись, ни у кого не возникло сомнений, что Иви будет жить с папой. Конечно, она виделась с мамой по выходным и по праздникам. Иногда они ходили в кафе или в кино. Проблема была в том, что они никогда толком не знали, что друг другу сказать. Они словно были не мамой и дочкой, а актрисами, игравшими эти роли.

И теперь, приближаясь к дому, Иви размышляла о том, как маме хватило выдержки, чтобы остаться здесь жить. Каждый день проходить мимо места, где случилась беда. Иви сунула руку в карман и принялась яростно тереть пальцем гладкую деревянную голову талисмана-фамсапа. Даже проклятая калитка осталась прежней – та самая, из-за которой все и случилось. Иви помедлила на тротуаре, не желая к ней прикоснуться. Эта была самая обыкновенная кованая калитка с почти осыпавшейся синей краской, но на мамином месте Иви сняла бы

ее, не задумываясь, и отправила бы на металлолом. Даже сейчас, двадцать четыре года спустя, она ненавидела эту калитку такой лютой ненавистью, что стало трудно дышать, когда Иви отодвинула засов и толкнула тяжелую створку...

Глава 6

Иви – 27 августа 1992-го

– Не забудь закрыть калитку! – крикнула мама из окна кухни, когда Иви побежала по садовой дорожке.

– Хорошо! – отозвалась Иви.

Она бежала вприпрыжку, наслаждаясь приятным шелестом многочисленных нижних юбок. День выдался жарким, слишком жарким и душным для такого платья, но Иви сама выбрала его в магазине на прошлой неделе, и ей очень нравились фиолетовый горошек и широкая пышная юбка. Туфли тоже были новыми, лакированными, с блестящими пряжками. Утром мама сделала ей прическу, два высоких хвостика, и Иви чувствовала себя настоящей принцессой.

Она распахнула калитку и увидела праздничный плакат, который мама прикрепила снаружи. Большие фигурные буквы складывались в слова:

Сегодня Иви исполнилось 4 года.

Добро пожаловать к ней на праздник!

К стойке ворот был привязан фиолетовый воздушный шарик, весело пляшущий на ветру.

«Так гости сразу поймут, что пришли в нужный дом, – объяснила ей мама. – Мы же не хотим, чтобы твои подружки случайно пришли на праздник к кому-то другому, да?»

У Иви еще никогда не было праздника на день рождения, и она с нарастающим нетерпением ждала его всю неделю, чуть не лопааясь от восторга. И вот наконец этот день наступил, и единственное, что портило Иви радость, – сестра Белла. Не сводя глаз с воздушного шарика и праздничного плаката, Иви несколько раз подпрыгнула на месте, чтобы на крошечных каблучках туфель зажглась подсветка.

Через пару минут Иви развернулась и побежала обратно в дом. В гостиной она обнаружила Беллу. У младшей сестры тоже было новое нарядное платье – в синюю клетку, с аппликацией в виде симпатичного кролика, белого и пушистого, с черным пятном вокруг правого глаза. На черных кудряшках Беллы красовались синие заколки-бантики. Она подняла с пола воздушный шар и обняла его, сияя от восторга.

– Нет, Белла, не трогай! – рассердилась Иви. – Это для моего праздника!

Иногда Белла жутко бесила. Она только и делала, что портила вещи Иви, ломала ее игрушки, путалась под ногами, бросала на пол еду, плакала и капризничала, отнимая все мамино внимание. Теперь они даже не ездили на пикник, потому что Белле положено спать после обеда, а спать надо дома. Но сегодня был день Иви, а не Беллы. Пока Иви стояла, погрузившись в эти мысли, сестра рассмеялась и выбежала из гостиной с воздушным шариком в руках.

Иви хотела ее догнать, отобрать шарик, вернуть его к остальным, приготовленным к празднику, но Белла всегда кричала, если у нее что-нибудь отнимали, и на ее вопль прибежала мама и ругала Иви. Казалось, что Иви вечно во всем виновата, а Белла – никогда и ни в чем.

«Она еще маленькая», – всегда говорила мама.

Когда речь заходила о Белле, от Иви требовали целую кучу всего:

Надо проявить терпение.

Надо делиться.

Надо уступать младшей.

Будь добрее, внимательнее, не обижайся по пустякам.

Проще было дожидаться, когда Белле надоест шарик и его можно будет забрать и вернуть к остальным. Поэтому Иви пошла на кухню, где звучал смех и царила веселая суета: сэндвичи нарезали на маленькие треугольнички, печенье раскладывали по бумажным тарелкам, лимонад переливали в большой кувшин, где он шипел и искрился. Мама вынула из холодильника праздничный торт в виде кошки с шерсткой из фиолетовой глазури и глазами из леденцов. А потом где-то раздался автомобильный гудок, пронзительный визг шин, крики людей и встревоженный топот ног.

– О боже! – произнесла тетя Пэм. – Кажется, там авария...

Мама тоже посмотрела в окно и замерла. С ее губ сорвался сдавленный стон, полный такого отчаяния и страха, что Иви тоже застыла на месте. Мама уронила торт на пол. Тарелка разбилась, и у кошки отвалилась голова. Иви горько расплакалась, потому что какой день рождения без торта?! Она думала, что мама бросится ее утешать, но мама вылетела из помещения, даже не взглянув в ее сторону. Наверное, побежала в кондитерскую за новым тортом?

Иви шагнула к двери, все еще заливаясь слезами, но тетя Пэм подхватила ее на руки. Правда, она не сказала ни слова, а просто стояла и смотрела в окно.

– Мой торт! – взывала Иви громче прежнего.

Она думала, что тетя Пэм бросится ее утешать, раз уж мама куда-то ушла. Но тетя выдала совсем не то, что ожидала услышать Иви:

– Бога ради, Иви, *замолчи!*

Голос тети Пэм был резким и хриплым, совсем не похожим на тот, к которому привыкла Иви. Она испуганно замолчала, и внезапно ей сделалось по-настоящему страшно. Что-то случилось, что-то очень плохое, даже хуже испорченного торта. Хотя непонятно, что именно. Тетя быстро увела Иви в столовую в глубине дома, где не было окон, выходящих на улицу. Но Иви все равно слышала крики, а чуть погодя – вой сирены. Затем все затихло.

В какой-то момент пришел дядя Бен, и Иви услышала, как он открывает входную дверь и что-то тихо говорит людям, которые позвонили в звонок. Иви поняла, что это были ее подружки, потому что узнала их голоса, но потом дверь закрылась, и в доме опять стало тихо.

– Тетя Пэм, – позвала Иви, дернув тетю за рукав, – где мама? Когда у меня будет праздник?

Тетя присела на корточки рядом:

– Сегодня праздника не будет, Иви. Случилась беда. Белла поранилась. Понимаешь?

Иви не понимала. Не совсем понимала. Белла вечно ходила в ссадинах и синяках, потому что все время обо что-то стучалась, спотыкалась и падала. Обычно мама просто наклеивала на ранку радужный пластырь, обнимала Беллу, целовала ее в щечку, и все становилось хорошо. Иви вдруг разозлилась. Младшая сестренка опять все испортила. Она вечно все портила.

– А где Белла? – спросила Иви.

Тетя Пэм нервно сглотнула. У нее что-то случилось с голосом, потому что он сделался сухим и хриплым:

– Она... Ее забрали в больницу.

– А как же мой *праздник*?! – Иви снова сорвалась на крик.

Ее глаза наполнились жгучими слезами. Так нечестно! Сегодня ее день рождения, Белла опять все разрушила. В эти минуты Иви не просто злилась на младшую сестру, она ее ненавидела.

– Иви, прекрати плакать! Послушай, это серьезно. Белла... Она выбежала на дорогу.

«Не забудь закрыть калитку...»

Иви представила синюю калитку, праздничный плакат для гостей и фиолетовый воздушный шарик. Ее пробрал ледяной озноб, хотя в комнате было жарко. Обида и злость отступили, сменившись тревогой за Беллу. Потом в голову пришла мысль. Иви спрыгнула со стула:

– Все будет хорошо, тетя Пэм. Я принесу пластырь.

У Иви были пластыри с тропическими рыбками, но Белле больше нравились радужные, и Иви знала, где они хранятся. В шкафчике в ванной. Тетя Пэм положила руку на плечо Иви:

– Это не... Пластырь тут не поможет, милая. И в любом случае Беллы здесь нет. Я же сказала, ее забрали в больницу.

Иви нахмурилась, окончательно сбита с толку:

– А когда она вернется домой?

Тетя потерла пальцами виски:

– Хватит вопросов, Иви. Давай просто подождем, хорошо?

И они стали ждать. Казалось, прошло много-много часов. Иви разрешили вернуться в гостиную, но тетя задернула шторы, чтобы не было видно, что происходит снаружи.

– Чтобы солнце не светило в глаза, – пояснила она.

Тетя Пэм включила для Иви мультфильмы, а сама ушла на кухню, где они с дядей Беном о чем-то взволнованно заговорили вполголоса. Чуть погодя тетя принесла Иви тарелку с сэндвичами. Иви еще несколько раз спрашивала про праздник, но тетя Пэм только качала головой и отвечала, что сегодня праздника не будет.

Иви не знала, то ли злиться и огорчаться из-за испорченного дня рождения, то ли беспокоиться о Белле, и в итоге все чувства смешались в какую-то непонятную кашу. Близился вечер, и тетя Пэм приготовила на ужин рыбные палочки с жареной картошкой. Как только Иви уселась за стол, зазвонил телефон. Тетя взяла трубку, быстро с кем-то поговорила, и Иви услышала ее сдавленные рыдания.

– Да, – сказала она. – Да, я ей скажу.

Она положила трубку на место, а Иви медленно вернула вилку на стол, хотя даже не приступила к еде. Она откуда-то знала, что сейчас тетя Пэм скажет что-то такое, что Иви не понравится. Что-то, что все изменит. Что-то, после чего уже не будет пути назад. Еда осталась нетронутой на столе, а потом Иви с облегчением услышала, как открылась входная дверь и в дом вошли мама и папа. Они все объяснят тете Пэм. И Белла наверняка с ними, а как же иначе? Иви решила, что оставит сестре фиолетовый воздушный шарик, который та забрала. На самом деле пусть Белла возьмет себе *все* воздушные шарики.

Иви стряхнула с плеча тетину руку и помчалась в прихожую, ей хотелось скорее увидеть сестренку, но... там были только родители, почему-то без Беллы. Иви бросилась к ним. Она обняла мамины ноги и тихонько захныкала: весь страх, все смятение, все огорчения этого дня выплеснулись наружу. Наконец-то мама ее утешит, обнимет и скажет, что ничего страшного не случилось и все будет хорошо.

Но произошло что-то странное. Мама грубо схватила Иви за плечи и оторвала от своих ног. Затем присела на корточки на коврик у двери и наклонилась к Иви. Иви испуганно отшатнулась, потому что на страшную долю секунды ей показалось, что это не мама, а какая-то чужая тетя. Мама и правда была на себя не похожа. Что-то случилось с ее лицом, что-то жуткое и пугающее.

– Ты закрыла калитку? – прошипела мама.

С ее голосом тоже что-то случилось – это был точно не мамин голос. Иви уставилась на нее, онемев от страха. Мама так сильно сжала ей плечи, что там, наверное, останутся синяки, а потом вдруг встряхнула Иви, как тряпичную куклу:

– Ты закрыла калитку?

– Джейн, не надо! – воскликнул папа. – Бога ради!

Иви горько расплакалась. Она не понимала, что происходит. Тетя Пэм вышла в прихожую и увела маму на кухню, а папа подхватил Иви на руки и отнес наверх, в ее комнату. Он закрыл дверь, и Иви была рада, что теперь ей не слышно, как мама рыдает внизу.

– Папа... – позвала она сквозь слезы.

Он обнял ее крепко-крепко, такой большой, теплый и сильный, но Иви чувствовала, что он весь дрожит. А когда папа заговорил, его голос тоже дрожал, и после каждого слова он судорожно хватал ртом воздух.

– Ты ни в чем не виновата, – прошептал он. – Ты ни в чем не виновата, Иви. Я хочу, чтобы ты это запомнила. Тебя никто не винит. Никто.

Глава 7

Иви – 2016

Калитка открылась с пронзительным скрипом, Иви собралась с духом, вошла во двор и плотно закрыла ее за собой. С опозданием на двадцать четыре года. Дверь в дом распахнулась еще до того, как Иви успела подняться на крыльцо. В дверном проеме стояла мама, одетая в свободную белую рубашку, заправленную в брюки хаки с широким ремнем. Черные волосы мамы, тронутые сединой, были собраны в небрежный высокий пучок. Ее ярко-зеленые глаза скользнули по Иви, но мама тут же отвела взгляд и сказала без обиняков:

– Вид у тебя усталый. Проходи в дом. Чайник только что закипел. Но чай у меня только мятный.

Иви знала, что мама пьет исключительно мятный чай, потому что он напоминал ей о Марокко. Мама об этом не говорила, но Иви читала ее интервью в одном из фотожурналов. Иви каждый год оформляла подписку на несколько таких журналов, хотя сама не особо интересовалась фотографией. Но время от времени там появлялись фотографии мамы или – что еще лучше – интервью с ней. Из этих снимков и интервью Иви узнавала, где сейчас мама, чем занимается, что любит и что думает о тех или иных вещах. Это было похоже на поиски золота.

– Да, хорошо, – ответила Иви.

Из прихожей на кухню можно было пройти только через гостиную, и Иви невольно посмотрела на стены, где раньше висели семейные фотографии. Мама давно их сняла и заменила на снимки из далеких стран: египетские пирамиды, ленивцы в Коста-Рике, золотые храмы Таиланда. Целую стену занимала мамина любимая серия фотографий – заброшенные здания. Они были одновременно жуткими и завораживающими. Иви хотела бы остановиться и рассмотреть их как следует, но мама шагала вперед слишком быстро. Иви мельком увидела башенную градирню на заброшенной электростанции, город-призрак в Америке, интерьеры давно закрытого торгового центра. Глядя на обстановку этой гостиной, можно было подумать, что у мамы вообще нет семьи.

Через пару минут Иви с мамой сидели за столом на безупречно чистой кухне, с чашками горячего и ароматного чая. Часы на стене тикали слишком громко, и у Иви разболелась голова. Хотелось быть где угодно, только не здесь.

– Спасибо, что уделяешь мне время, – сказала она и поморщилась.

Иви как будто пришла на деловую встречу, а не в гости к родной матери. Всегда было сложно придумать, что сказать маме, и часто казалось, что каждое слово звучит как-то неправильно.

– Я всегда тебе рада, – произнесла мама. Они обе знали, что это ложь. – Значит, ты интересовалась отелем «Белый осьминог»?

– Мы там не останавливались во время поездки в Швейцарию? – спросила Иви.

– Удивительно, что ты помнишь. Тебе было всего три года.

У Иви перехватило дыхание. Должно быть, папа все-таки ошибался.

– Сколько времени мы там пробыли?

Мама подняла бровь:

– Нисколько. Отель закрылся много лет назад.

– Но... – Иви нахмурилась. – Я кое-что помню. Послеобеденный чай. Там была мятная помадка. Белая и сверкающая на свету. Ее подавали на серебряном блюде, и она так приятно крошилась во рту и холодила язык...

– Ты, наверное, помнишь какой-нибудь другой отель, – возразила мама. – Где ты была с Гленном и Сьюзи.

Было трудно понять, что думает мама о втором браке отца, да и вообще трудно понять, что она думает о чем бы то ни было. После гибели Беллы случались долгие периоды, когда Иви почти и не виделась с мамой. Мама просто... отсутствовала. Запиралась в своей спальне наверху или уходила из дома и возвращалась лишь через несколько часов, а то и вовсе через несколько дней. Об Иви заботились папа и тетя Пэм. Примерно через год после смерти Беллы мама вновь стала проводить время с Иви. Обычно все начиналось довольно неплохо: с книги, игры или прогулки, – но неизменно заканчивалось слезами и криками, и Иви никак не понимала, что сделала не так. Ее сажали перед телевизором или отвлекали чем-нибудь вкусным, а потом она слышала, как папа на кухне говорит что-то тихо, спокойно, а мама отвечает ему совсем другим голосом – хриплым, надломленным, то и дело срывающимся на крик. Теперь Иви боялась, когда мама входила в комнату. Когда родители наконец развелись и Иви насовсем переехала к папе, для нее это стало большим облегчением.

– Можешь посмотреть фотографию, – сказала мама. – Это был мой первый снимок.

– Первый снимок? – озадаченно переспросила Иви.

Вряд ли мама имела в виду свою первую профессиональную фотографию. Еще до знакомства с папой мама несколько лет работала свадебным фотографом.

– Первый снимок из серии «Заброшенные места».

Мама ненадолго вышла из кухни, вернулась с большим фотоальбомом в кожаном переплете и положила его на стол перед Иви. Иви открыла альбом и на первой же странице увидела фотографию вестибюля заброшенного отеля. Увидела высокие белые колонны и широкую двойную лестницу с коваными фигурными перилами. С потолка свисала хрустальная люстра, опутанная паутиной и покрытая пылью. Плиточный пол был усеян сухими листьями, кусками штукатурки и мусором.

Взгляд Иви сразу привлек трехъярусный мраморный фонтан в центре вестибюля. Он давно высох и был покрыт водорослями и водяными разводами, но все равно производил мощное впечатление. В самой большой нижней чаше распростерся белый мраморный осьминог, его длинные щупальца тянулись вверх, обвивая все ярусы фонтана. Иви вновь ощутила легкую волну удовольствия, похожую на слабый удар током, который она испытывала всегда, когда видела осьминога. Осьминоги – удивительные существа, завораживающие и странные. Она почувствовала, как под ее черным свитером татуировка медленно сдвигается по животу.

И там, на снимке, едва различимая в уголке, была сама Иви, трехлетняя малышка. Ее изображение было размытым, словно она внезапно влетела в кадр.

– Я тебя попросила стоять у меня за спиной, – вспомнила мама, – но ты не слушала.

«Ты закрыла калитку?»

Иви посмотрела на маму. Неужели их вечно будут преследовать невысказанные слова? После того, первого раза мама больше никогда не говорила с Иви о калитке. Но этот вопрос не отпускал их обеих, и они обе знали ответ. Иви много раз думала, что надо бы завершить тот разговор.

«Прости меня, мама, – сказала бы она. – Это я виновата. Я не закрыла калитку. Если бы я могла повернуть время вспять и поменяться местами с Беллой, я бы с ней поменялась».

Но Иви не хватало смелости – может быть, потому, что она и так знала, каким будет мамин ответ.

«Ты ни в чем не виновата.»

Но...

Но...

Но...

Почему ты меня не послушала?

Хотя бы в тот раз».

– Это единственная фотография из отеля? – спросила Иви.

Следующие снимки были сделаны в каком-то другом месте – судя по всему, в заброшенном зале игровых автоматов.

– Да.

– А зачем мы вообще пошли в «Белый осьминог»? Папа сказал, мы останавливались в маленькой деревенской гостинице.

– Все верно. «Белый осьминог» находился на другом берегу озера. Я подумала, что было бы интересно его осмотреть, поэтому взяла лодку и отправилась туда. Я решила, что тебе тоже понравится, и на следующий день взяла тебя с собой.

Иви ужасно хотела курить, но знала, что мама не любит, когда курят в доме.

– Папа был с нами?

– Нет, мы были вдвоем. И пробыли там недолго. Просто осмотрели вестибюль.

– А за день до этого, когда ты ездила туда одна, ты видела другие помещения?

– Да. Там был ключ...

Мама замолчала и слегка нахмурилась, словно забыла, о чем собиралась сообщить.

– Ключ, – подсказала Иви. – Ты имеешь в виду, ключ от номера?

Мама кивнула:

– Он просто лежал на стойке портье. Как будто ждал меня. Ключ от номера семнадцать.

Я обошла все этажи, но там не было комнаты с таким номером.

Точно так же, как не было номера 27.

– Этот ключ все еще у тебя? – спросила Иви.

К ее разочарованию, мама отрицательно покачала головой:

– Он потерялся. Даже не знаю когда. Сначала я не заметила этого, а потом и вовсе забыла.

Отель был... – Она опять замолчала. – Даже не знаю, как это описать. Там была какая-то особенная атмосфера. Как отголоски прошлого. Там сохранились оригинальные окна и двери и даже часть мебели. В каждом заброшенном отеле есть что-то печальное и завораживающее. – Мама посмотрела в окно, на дорогу, которую Иви не хотела бы видеть вообще никогда. – Такие отели чем-то напоминают затонувшие корабли.

Иви рвалась расспросить об отеле подробнее, но мама вдруг проговорила:

– Слушай, не хочу тебя торопить, но мне пора собираться в аэропорт.

Иви поднялась из-за стола, ножки стула пронзительно скрипнули по полу.

– Да, конечно.

– А почему тебя интересует «Белый осьминог»? – задала вопрос мама.

– Просто я о нем вспомнила.

Мама помедлила и уточнила:

– У тебя все в порядке?

Иви знала, что ей никогда не избавиться от этого вопроса. Особенно после того, что случилось в университете.

– Да, все хорошо.

Конечно, это неправда. Теперь уже нет. Выйдя из дома и вытащив из кармана пачку сигарет, Иви подумала, что жизнь большинства людей так или иначе делится на «до» и «после». Почти у каждого есть какой-то переломный момент, когда все меняется необратимо. После четвертого дня рождения в жизни Иви случались довольно долгие периоды, когда все вроде бы было нормально, даже хорошо. Но настоящее счастье – яркое, сияющее, не омраченное ничем – она знала только в далеком, коротком «до».

Глава 8

Вернувшись на работу, Иви первым делом настроила электронный поиск по крупным аукционным сайтам, задав целый список ключевых слов. Белый осьминог, писчая бумага, отель, писчая бумага из отеля, предметы с волшебными свойствами... и так далее. Если какие-то вещи из «Белого осьминога» будут выставлены на торги в любом из аукционных домов Великобритании, Иви сразу получит уведомление по электронной почте. Она также настроила поиск на eBay. И даже прикрепила к лацкану пиджака значок с осьминогом, который отдал Виктор. На всякий случай. Вдруг она встретит кого-то, кто знает, что это значит?

Но шли дни и недели, ни один поиск не давал результатов, и Иви чувствовала, как растет разочарование. Следить за торгами в аукционных домах было несложно, но далеко не все вещи, поступавшие на оценку, выставлялись на продажу. Что, если оценщики получили какие-то вещи из «Белого осьминога» и решили, что они ничего не стоят? Или владелец просто отнес их на блошинный рынок, как это было с сервизом? Иви физически не могла обойти все барахолки на свете...

Чем больше она размышляла, тем вернее убеждалась, что лист писчей бумаги вряд ли появится в списках аукционного дома, потому что подобные вещи, как правило, не имеют вообще никакой ценности. Так она ничего не найдет. Тут нужен более активный подход. Поэтому Иви открыла электронную почту и написала начальнице, что ей нужен отпуск. В конце концов, Иви ничто здесь не держит и никто не будет по ней скучать.

* * *

На следующий день Иви уже летела в Цюрих. Она сообщила родителям и Сьюзи, что решила взять отпуск и немного развеяться. Сьюзи была в восторге.

– Давно пора чем-то себя порадовать.

Иви не уточняла, что это не совсем обычный отпуск. Соврать было проще, чем объяснять правду. И еще Иви испытывала какую-то смутную вину и смущение по отношению к мачехе. Если бы Белла не умерла, а родители не развелись, то Сьюзи и вовсе не появилась бы в их жизни. Иви любила Сьюзи и, наверное, не так уж сильно любила Беллу. Не по-настоящему. В конце концов, Иви толком и не знала младшую сестренку, а воспоминания о ней были отрывочными и размытыми: спор из-за любимой игрушки; пикник в лесу; руки, липкие от варенья; солнечный день в саду у дома, когда Белла постоянно приносила Иви листья и яблоки, подобранные с земли.

Иви не знала, как совместить то, чего она хотела добиться с помощью писчей бумаги, с реальностью, в которой нет места для Сьюзи и ее нынешней жизни. Но Сьюзи наверняка выйдет замуж за кого-то другого и будет счастлива. По-другому. Есть люди, которые всегда обретают счастье. А Иви отдала бы все что угодно, чтобы исправить свою ошибку. Она старалась не думать о том, было ли Белле страшно в те последние мгновения, страдала она или нет, но, даже если сестра не страдала и для нее все случилось милосердно быстро, страдания родителей – это совсем другая история. Бесконечная агония, растянувшаяся на долгие годы. Боль, которая никогда не пройдет. И если Иви представится шанс все исправить, она воспользуется им.

Иви прилетела в Цюрих солнечным ноябрьским утром. Она физически ощущала, как отель там, в горах, манит и притягивает магнитом. Вскоре она уже ехала по незнакомым дорогам на взятой в прокате машине, оставив город позади. Примерно к четырем часам дня Иви наконец-то въехала на парковку у крошечной станции узкоколейной железной дороги в долине в предгорье.

Иви вышла из машины, и ее сразу же поразила окружающая тишина и идеальная чистота воздуха. Даже легкие как будто очистились. Над ней возвышались горные вершины – величественные, безмятежные и безмолвные. Иви подумала: «Неудивительно, что раньше здесь строили здравницы и санатории». В этом пейзаже было что-то очищающее и в то же время что-то древнее и одинокое. Она вытащила из багажника чемодан, подошла к кассе на станции и купила билет до самой высокогорной деревни района, на конечной остановке маршрута.

Путешествие по железной дороге произвело на Иви неизгладимое впечатление. Она никогда раньше не ездила по узкоколейке, да еще и в горах, где поезд взбирается вверх по крутым склонам, и трудно не вздрагивать каждый раз, когда он проезжает в опасной близости от края отвесного обрыва. Иногда из окна открывался вид на долины с деревнями, приютившимися между склонами, иногда за окном не было ничего, кроме скал, сосен и редких участков снега. И неизменно на заднем плане виднелись горные вершины, словно сошедшие с картины или проникшие в реальность из сна – невероятно красивые, но будто ненастоящие.

Наконец поезд перестал подниматься в гору, и дорога выровнялась, достигнув широкой долины. Но путешествие еще не закончилось. Иви вышла с крошечной станции и с облегчением увидела, что канатная дорога располагается прямо напротив. Здесь было холодно, и все путеводители предупреждали, что, возможно, на этом этапе стоит на время прервать путешествие наверх, чтобы организм привык к высоте. Но Иви не могла ждать. Она купила билет и вошла в кабину канатной дороги. Окна были все исцарапаны изнутри десятками лыж, которые здесь возят в зимний сезон.

Если в поезде было страшно, то сейчас сердце Иви буквально оборвалось, когда земля стремительно понеслась вниз, а кабина словно взлетела в небо, легонько покачиваясь на тросе, протянутом над высокими соснами. Путь наверх занял минут двадцать, а от станции надо было немного пройти до деревни, крошечной, будто игрушечной и в основном состоящей из живописных шале. Иви читала, что здесь проживает чуть больше ста человек. Она миновала площадь, прошла мимо пекарни, сырной лавки и газетного киоска. Кафе-мороженое и сувенирный магазинчик были закрыты на зиму. На берегу озера Иви заметила маленькую гостиницу, в которой, видимо, останавливалась с родителями в тот давний приезд.

Вода сверкала под вечерним солнцем, вдоль берега росли сосны, такие густые, что их иголки казались практически черными. На крутых склонах гор рос сосновый лес, лишь на большой высоте уступая место голым скалам. Воздух был ледяным и звенел, как хрусталь. Ближайшие вершины – сланцево-серые – составляли контраст с прохладным голубоватым оттенком хребтов вдали. Некоторые из самых высоких гор пронзали верхушками облака. Здесь даже небо казалось огромным по сравнению с тем, когда смотришь на него с низин. Поистине вершина мира.

А на другом берегу озера стоял отель «Белый осьминог». Иви мгновенно узнала его характерные шпили и башенки. На таком расстоянии здание заброшенного отеля выглядело точно так же, как сто лет назад, во времена его расцвета. Отсюда не было видно ни заколоченных окон, ни неухоженной территории, ни прогнившего частного причала. Отель будто был готов к приему гостей. Иви очень живо представила, что там и вправду есть люди. Возможно, прямо сейчас постояльцы отеля собрались на веранде за послеобеденным чаем. Она явственно ощутила во рту вкус мятной помадки – маленьких круглых пастилок в белой шоколадной глазури, разложенных на блестящих серебряных блюдцах. На этом берегу озера тоже был небольшой деревянный причал, у которого стояли две лодки. Иви осмотрелась, но не заметила их владельцев. Она решила зайти в гостиницу.

В маленьком, аккуратном холле не было ни души. Иви позвонила в колокольчик на стойке портье. Через пару секунд из подсобки вышел мужчина лет пятидесяти пяти. Он виновато улыбнулся Иви:

– Боюсь, обед вы пропустили. Кухня закрылась до вечера. Но за углом есть кафе, где подают сэндвичи и пирожные.

– Я пришла не обедать, – сказала Иви, хотя она не ела весь день и действительно проголодалась. – Я надеялась поговорить с кем-то из владельцев лодок. Я хочу переправиться на тот берег, к отелю. Разумеется, я заплачу.

– Ясно. – Мужчина пристально посмотрел на нее. – Да, время от времени кто-нибудь приезжает к заброшенному отелю. Конечно, уже не так часто, как раньше. Вы охотитесь за привидениями?

– Нет, – ответила Иви. – Просто хочу посмотреть. А там есть привидения?

Он пожал плечами:

– Это странное место. И всегда было странным. Раньше там жил Николас Рот. У нас говорят, что туман прилагается к отелю. Зимой туман покрывает озеро, густой, будто вата. Иногда воды не видно неделями. Однажды, когда рассеялся туман, отель просто возник на берегу. Возможно, когда-нибудь он точно так же исчезнет... если не разрушится.

От одной мысли об этом Иви пробрал озноб, но, прежде чем она успела хоть что-то возразить, мужчина продолжил:

– Меня зовут Аурел. Я хозяин этой гостиницы, и лодки тоже принадлежат нам. Моя жена отвезет вас на тот берег, но только завтра.

– Завтра? Я очень надеялась добраться туда сегодня.

Аурел покачал головой:

– В горах время идет иначе. Вы сами поймете, если побудете здесь подольше. Сегодня уже ничего не получится, но завтра мы с радостью вас отвезем.

– Хорошо, – сдалась Иви. – Спасибо. У вас есть свободные номера?

Он кивнул:

– Сейчас все свободны. Выбирайте любой.

Иви попросила номер с видом на озеро, чтобы из окна был виден отель. Заходящее солнце окрасило воду в золотой цвет, и она вся засверкала, а потом солнце скрылось за вершинами гор, и пейзаж за окном растворился в густой темноте. Иви спустилась в столовую и наскоро поужинала кезешнитте⁴, горячий расплавленный сыр и маринованные корнишоны помогли восстановить силы после долгого и напряженного дня.

Остаток вечера она провела за рисованием у себя в номере. Щупальца осьминогов поползали по страницам альбома, обвивались вокруг золотых ключей, расписных музыкальных шкатулок и нотных станков. Иви гадала, как звучит самая красивая на свете музыка.

Озерная гладь отливала серебром под лунным светом. Иви то и дело поглядывала на очертания «Белого осьминога», едва различимые на том берегу. Наконец она решила, что пора спать. Она в последний раз посмотрела в окно, и на мгновение ей показалось, что в одной из комнат отеля горит свет. Из окна лилось мягкое желтое свечение, которое тут же померкло, превратившись в невинные отблески лунного света на замерзшем стекле.

⁴ Käseschnitte – традиционное швейцарское блюдо, поджаренный на гриле хлеб с сыром.

Глава 9

Утром Иви проснулась ни свет ни заря в предвкушении обещанной поездки. Она нашла Фриду, жену Аурела, в столовой. Дружелюбная и улыбочивая, Фрида чем-то напоминала Сьюзи, и странное нервное напряжение, не покидавшее Иви с самого пробуждения, слегка унялось. Но она все равно вертела в пальцах фамсап, не вынимая его из кармана.

– Как видите, мы не сильно загружены к завтраку, так что я отвезу вас на тот берег сразу, как только вы поедите, – сообщила Фрида.

– Я не хочу есть, – ответила Иви. – Мы можем поехать прямо сейчас?

– Можем и прямо сейчас, – легко согласилась Фрида, пожав плечами. – Только оденьтесь теплее.

Иви надела под куртку несколько свитеров и спустилась на причал, где ждала Фрида. Забираясь в лодку, Иви поскользнулась на промерзших досках, фамсап вывалился из кармана и упал в воду. Иви вскрикнула, а Фрида покачала головой:

– Здесь глубоко даже у берега. Надеюсь, то, что вы выронили, было не слишком ценным.

Фамсап был ценным для Иви в том смысле, что он много лет был ее верным спутником в самые тяжелые времена. Она уже болезненно ощущала его отсутствие в кармане, но теперь ничего не поделаешь, что упало, то пропало. Иви стиснула зубы и уселась в лодку. Мотор с ревом завелся, в воздухе разлился запах бензина, смешанный с хрустальными ароматами холодной воды и морозного инея.

– Вы охотница за привидениями или фотограф? – спросил Фрида, когда лодка отчалила.

– Ни то, ни другое, – ответила Иви. – Просто хочу посмотреть. Я приезжала сюда с родителями, когда была совсем маленькой.

Фрида кивнула и не стала спрашивать дальше, чему Иви порадовалась. Отель приближался, и ощущение было такое, словно ты наблюдаешь, как проявляется фотоснимок: постепенно возникает все больше деталей, идея исподволь воплощается в реальность. И что самое удивительное, Иви казалось, что она возвращается домой. Она взирала на «Белый осьминог» и испытывала странное покалывание во всем теле. Внезапно в ней поселилась уверенность: отель знает, что она здесь. Он ее ждет. Он ее ждал много лет.

И вновь в голове шевельнулось воспоминание, видимо, о той давней поездке с мамой – только в этом воспоминании отель не был заброшенным и одиноким, он был живым, дышащим, шумным. Подробности появлялись одна за другой, яркие и внезапные, как фотовспышки: фортепианная музыка, кружевные перчатки и плеск фонтана. Это сбивало с толку, и Иви тряхнула головой.

– Все в порядке? – забеспокоилась Фрида.

– Да, все хорошо, – заверила Иви, может, чуть резче, чем требовала вежливость. Она опять пожалела об утонувшем фамсапе. Надо было держать его крепче.

Путь через озеро занял минут двадцать, не больше. Лодка проскользнула мимо почти развалившегося причала. Несколько досок полностью оторвались, а то, что осталось, явно держалось на честном слове. У причала и на лужайке перед отелем стояли таблички на английском, французском и немецком языках, предупреждающие, что здание находится в аварийном состоянии и поэтому представляет опасность.

– Наверное, лучше вытащить лодку на берег. – Фрида кивнула на небольшой полумесяц песка у кромки воды.

Когда Иви выбралась на берег, Фрида предупредила, что подождет в лодке. Иви чуть не вскрикнула от досады. Ей отчаянно хотелось побыть здесь одной.

– Я думала провести здесь целый день, – заметила она. – Вы не могли бы приехать за мной ближе к вечеру? Я доплачу за беспокойство.

Фрида удивленно уставилась.

– Здесь почти ничего нет, – сказала она. – Ни деревни, ни города на много миль вокруг. Да и в отеле смотреть, в общем, не на что. Разве что на вестибюль. Здание разваливается на части. Не стоит заходить вглубь.

– Я хотела немного пройтись. В путеводителе сказано, что здесь водятся олени и горные козы.

Фрида взглянула на нее с сомнением:

– Водиться-то водятся, только я что-то не вижу у вас никакого походного снаряжения.

Иви сдержала раздражение. Какое вообще дело Фриде до того, что Иви будет делать?

– Я не собираюсь в поход. Просто хочу прогуляться. И прочувствовать атмосферу отеля. Я художница, – зачем-то добавила она. Это прозвучало странно. Иви еще никогда не называла себя художницей. – Я захватила с собой альбом.

Кажется, эти слова успокоили Фриду.

– Хорошо. Я вернусь за вами в три часа дня.

– Да, спасибо.

Фрида кивнула на нос лодки и спросила:

– Вы не могли бы меня подтолкнуть?

Иви наклонилась и изо всех сил толкнула лодку обратно в озеро.

– До встречи, – бросила Фрида через плечо.

Иви помахала вслед уплывающей лодке и повернулась лицом к отелю. Он по-прежнему был невероятно прекрасен, несмотря на облупившуюся краску на стенах и на разбитые или заколоченные досками окна. Некогда ухоженная лужайка у главного входа заросла сорняками и крапивой, как и обветшавшая садовая терраса.

Иви прошла мимо разбросанных каркасов старых шезлонгов и сломанных уличных зонтов с давно сгнившими куполами. Справа виднелась полуразрушенная беседка, слева – пере-сохший бассейн, на дне которого скопились сосновые шишки и всякий мусор.

Здесь царил полная тишина. Иви никогда раньше не сталкивалась с таким оглушительным безмолвием. Никакого шума машин, никаких разговоров, никаких телефонных звонков. Тишина навевала умиротворение, но в то же время пронзительную тоску и печаль оттого, что отель пребывает в таком состоянии. Иви явственно ощущала присутствие призраков из далекого прошлого: вот коридорные спешат по своим делам; вот швейцар поправляет манжеты и идет к пристани, чтобы встретить гостей, прибывших в лодке. Повсюду слышится гул разговоров и звонкий смех. На широкой веранде, где до сих пор стоит несколько столов, чайные чашки тихонько звякают о блюдца.

Иви подошла к лестнице, ведущей к главному входу, и положила руку на мраморную балюстраду, ледяную на ощупь. Шаги казались слишком громкими в этом тихом месте, слишком назойливыми, беззастенчивыми, когда Иви поднималась к распахнутым настежь входным дверям. Она бросила последний взгляд на сверкающую под солнцем озерную гладь и переступила порог.

Сразу же вспомнились мамины слова, что заброшенные отели напоминают затонувшие корабли. Внезапный сумрак, неподвижная тишина, удушающее ощущение прошлого, которое давит со всех сторон. Здесь пахло сыростью, пылью и мхом. Иви жадно впитывала детали, которые не смогла разобрать на маминой фотографии: фигурные кованые перила широкой лестницы в дальнем конце вестибюля; хрустальные подвески на люстре, напоминавшие бисерную бахрому платья в стиле чарльстон; позолоченный круглый звонок для вызова персонала, который все еще стоял на пыльной стойке портье слева от входа в ожидании, что кто-то в него позвонит. В углу виднелся фантастически изящный старинный и давно не работающий лифт, похожий на декоративную птичью клетку. Мраморная плитка под ногами Иви, вероятно, когда-

то была жемчужно-белой, под стать колоннам, но теперь ее покрывал плотный слой грязи и пыли, обвалившейся штукатурки и испражнений животных.

Иви поморщилась при виде многочисленных граффити на стенах и колоннах, а также банок из-под кока-колы, оберток от шоколада и окурков, разбросанных по полу. Это она считала почти святотатством – мусорить в таком месте, когда-то величественном и прекрасном. Неуместные реалии современности коробили, и у Иви возникло подспудное желание устроить уборку.

Иви отвернулась от граффити и осмотрела кабинетный рояль справа от двойной лестницы. Когда-то он был зеркальным, но теперь запылился, покрылся грязью и уже ничего не отражал. Он стоял, покосившись под неловким углом, на надломленных ножках. Клавиши тоже были покрыты грязью, многие из них просели или вообще отломились и осыпались на пол. Иви обернулась на дверь и увидела прямо у входа большие напольные часы, на которых время застыло навсегда. В отеле «Белый осьминог» уже несколько десятилетий было без двух минут двенадцать.

Центр вестибюля украшал роскошный фонтан. Даже сейчас он притягивал внимание, и Иви влекло к нему так же, как в детстве, много лет назад. Он был больше, чем ей представлялось по фотографии. Значительно выше ее роста. Три его яруса были сделаны в виде зубчатых морских раковин, грязных и сколотых, но мраморный осьминог, раскинувшийся в нижней чаше и тянущий щупальца до самого верха, по-прежнему поражал воображение.

Он напомнил Иви о старинных картинах с кракеном, который тащит корабль в пучину: огромные глаза, ледяные соленые брызги и бьющиеся смертоносные щупальца. Она заглянула в фонтан и заметила разбросанные на дне пустые пакетики из-под чипсов и россыпь монеток – мелочи из разных стран. Крошечные желания чего-то светлого и хорошего. На внутренних стенках большой нижней чаши в мраморе были выбиты ноты, как будто фонтан вбирал в себя не только желания, но и музыку.

Иви еще раз изучила вестибюль. Она не могла отделаться от ощущения, что за ней наблюдают. Люди по углам, за колоннами, за стойкой портье ждут, когда можно будет принять у нее багаж, подтвердить бронь на ужин и проводить Иви в номер. Отголоски далекого прошлого были повсюду: в настенном ящичке с пустыми ячейками для ключей, в брошенной латунной багажной тележке, в позолоченном звонке, сверкающем на стойке портье, – такие дразнящие и соблазнительные.

Кончики пальцев Иви покалывало от предвкушения, когда она подошла к стойке, хрустя подошвами по сухим сосновым шишкам и кускам отвалившейся штукатурки. Вблизи было видно, что звонок намертво приколочен гвоздями к стойке. Вероятно, поэтому он и сохранился. Это было искусное изделие в виде точной копии корабельного штурвала. Иви подняла руку и легонько нажала на кнопку. Звонки прозвенел громче, чем она ожидала. В голове снова щелкнул фотоаппарат в сопровождении ослепительной вспышки, Иви тихо ахнула и отшатнулась от стойки.

Неотразимая улыбка фокусника.

Всплеск от монетки, упавшей в фонтан.

Запах мяты.

Добрые карие глаза...

У нее перехватило дыхание, а глаза защипало от слез, как бывает, когда тебе плохо и грустно и кажется, что так будет всегда, но неожиданно тебя утешают, проявив искреннюю доброту. Что было странно, ведь Иви никогда не плакала...

Затем образы померкли, Иви словно очнулась от сна и поняла, что глядит на свое отражение в зеркале на противоположной стене. В зеркале в позолоченной раме с резными узорами в виде морских водорослей и ракушек. Стекло так потускнело от времени, что Иви чудилось, будто она смотрит на себя сквозь плотный туман. Зеркало явно было очень старым, и

от мысли, что сотрудники и гости отеля из тридцатых годов прошлого века – может быть, даже сам Николас Рот – тоже видели в нем свои отражения, Иви пробрал озноб. Что здесь произошло? Почему отель внезапно закрылся? Почему все картины Николаса Рота бесследно исчезли? И почему Иви не покидает уверенность, что она бывала здесь раньше, причем отель был не таким, как сейчас, а таким, как *тогда*?

Прошлое ощущалось очень близко в этом заброшенном здании, в этом замшелом пристанище призраков. Тени сдвигались и как будто мерцали, а граница между прошлым и настоящим становилась тонкой, хрупкой и почти несуществующей. Если уж выбирать между призраками и кроликами, Иви выбрала бы призраков. Она снова взглянула на звонок-штурвал на стойке портье. В отличие от всего остального, он не был пыльным и грязным. Он сиял ослепительно золотым блеском, словно его специально отполировали. Иви предположила, что это сделал кто-то из недавних посетителей отеля – возможно, какой-нибудь фотограф, который надеялся сделать эффектный снимок. Звонок и вправду смотрелся эффектно, пусть и явно не к месту посреди этого запустения: как яркое пятнышко цвета на потускневшей черно-белой фотографии. Может быть, ключ от номера, который нашла здесь мама, положили на стойку по той же причине, а потом просто забыли забрать.

Но сегодня никаких ключей не было. Зато на стойке лежала огромная книга в кожаном переплете с изображением осьминога – белого, с черным пятном на кончике щупальца. Иви уставилась на него. Это был ее осьминог. Она мысленно вернулась к себе в квартиру, где лежало несколько дюжин альбомов, заполненных осьминожьими щупальцами. Иви положила ладонь на книгу, но, прежде чем успела ее открыть, из переплета вырвалось белое щупальце и обвилось вокруг ее руки от запястья до плеча. Оно было чуть липким от чернил, толстым, сильным и сдавило ей руку почти до боли.

Но Иви улыбнулась:

– Привет, старый друг.

Глава 10

Иви – 2006

Иви всегда нравилось рисовать, но только в университете она поняла, что ее рисунки отличаются от рисунков других людей. Она отчаянно желала начать все сначала, на новом месте, где никто не знает ее истории. В детском саду и школе она всегда ощущала себя словно на сцене под светом прожекторов. Иви пошла в детский сад всего через две недели после гибели Беллы. Дома все было так странно и страшно, а потом она вдруг оказалась в каком-то совсем чужом месте, где не знала никого, но все, кажется, знали ее. Она была знаменитостью. Девочка, которая убила свою сестру. Другие дети шептались у нее за спиной, а воспитатели и учителя обращались с ней чересчур мягко и нарочито ласково, как ни с кем другим. Университет был ее шансом наконец-то оставить прошлое позади. По крайней мере, Иви на это надеялась.

Но получилось, что и в университете ей было трудно заводить новых друзей. Да, здесь никто не знал о ее прошлом, только это не очень-то помогало. Потому что сама Иви знала. Она знала все – и то, о чем никогда не рассказывала ни одной живой душе. Тем не менее ей нравились предметы, связанные с искусством, она усердно училась и получала хорошие оценки. Для нее стало большим облегчением уехать из дома. Она даже встречалась с хорошим парнем по имени Дэниел, и ей думалось, что жизнь наконец возвращается в нормальное русло, где ей и положено быть. Пока однажды они с Дэниелом не заговорили о Рождестве, сидя в кафе. Он произнес:

– Моя младшая сестра без ума от рождественских елок. Наверное, все четырехлетние дети такие, да?

Иви в ответ промолчала. В том году, когда ей было четыре, они не ставили дома рождественскую елку. И хорошо помнила, как взвилась мама, когда папа предложил отпраздновать Рождество ради Иви.

«Я не могу! – Мамин отчаянный крик до сих пор стоял эхом у Иви в ушах спустя столько лет. – Я не выдержу, просто не выдержу! Пожалуйста, оставьте меня в покое!»

Иви не рассказывала Дэниелу о Белле. Она так и не выбрала подходящий момент, чтобы признаться в убийстве сестры. А Дэниел, видимо, решил, что Иви – единственный ребенок в семье. Она не раз задавалась вопросом, сможет ли он узнать ее по-настоящему. Хотя как бы он ее узнал, если между ними всегда стояла стена? Она никуда не исчезла – глухая стена между Иви и остальным миром. Они с Дэниелом расстались еще до Рождества. В следующие дни и недели Иви все чаще и чаще думала о сестре. Даже теперь, по прошествии стольких лет после гибели Беллы, Иви так и не поняла до конца, что тогда произошло и какую роль она в этом сыграла. Но сейчас, оказавшись вдали от дома, она посмотрела в прошлое с большей ясностью. Взглянула на тогдашнюю себя по-новому. Вот только легче не стало и вряд ли когда-нибудь станет.

Иви перестала спать по ночам. Пропускала лекции и семинары. Не выходила из дома, не заводила друзей. Усталость и чувство вины довели ее до предела, пока от нее не осталось вообще ничего. Ничего, кроме пустой оболочки. Одним дождливым декабрьским вечером Иви обнаружила себя стоящей на обочине автострады, ведущей из города. Мимо с грохотом проносились огромные грузовики, и Иви думала, как легко это будет: шагнуть под колеса следующей фуры. Она вся промокла от брызг, ее лицо было черным от грязи, все тело сотрясала крупная дрожь, и она просто стояла, сжимая в кармане фамсап, и пыталась удержаться в мире, который стремительно от нее ускользал.

В конце концов к ней подъехала полицейская машина, Иви усадили на заднее сиденье, и чей-то спокойный, ласковый голос спросил, все ли хорошо. Это было приятно. Наконец-то хоть кто-то спросил. И не просто спросил, а действительно выслушал ответ.

– Нет, – прошептала Иви. – Все плохо.

Она подумала, что, наверное, сейчас самое время заплакать. Возможно, слезы принесут облегчение, и станет чуточку лучше. Она попробовала заплакать, но слез по-прежнему не было. Их не было никогда. Иви взяла в университете академический отпуск и вернулась домой к отцу и Сьюзи. Очередной провал. Потом были визиты к врачам, психотерапевтические сеансы и антидепрессанты. Сьюзи нежно заботилась об Иви, приносила суп и журналы, развлекала веселыми, легкими разговорами. Мама пришла лишь однажды. Это было так странно, когда Сьюзи ее привела в спальню Иви. Мама, вся напряженная и растерянная, так крепко сжимала в руках большой пластиковый пакет, что побелели костяшки пальцев.

– Хотите чаю? – поинтересовалась Сьюзи.

Иви покачала головой, и мама тоже отказалась от угощения.

– Хорошо, тогда я вас оставлю.

Когда Сьюзи ушла, Иви с мамой молча уставились друг на друга. Иви желала, чтобы Сьюзи вернулась. Она была очень общительной и с легкостью заполняла неловкую тишину.

– Хочешь сесть? – спросила Иви у мамы и только потом поняла, что сесть негде.

Мама неловко присела на краешек кровати и протянула Иви пакет:

– Вот. Я купила тебе альбом.

– А, да, – равнодушно произнесла Иви: у нее напрочь пропал интерес к рисованию, и она сомневалась, что когда-нибудь снова захочет рисовать. – Спасибо.

– И еще я купила твои любимые карандаши. Угольные, да?

– Да.

Иви удивилась, что мама об этом знает, но по большому счету ей было все равно.

Иви предпочла, чтобы мама ушла. Это все было так утомительно, и ей становилось только хуже. Мама почти никогда не прикасалась к Иви, поэтому ее изумило, когда мама потянулась к ее руке и очень нежно накрыла ее ладонью.

– Иногда кажется, что вокруг беспросветная тьма, – сказала мама, сосредоточенно глядя себе под ноги. – Я знаю, как это бывает. Наш собственный разум расставляет ужасные ловушки.

В любой другой день Иви была бы удивлена и одновременно рада, что мама с ней заговорила вот так: чуть приоткрылась и пустила к себе в сердце. Но сейчас это не тронуло. Вообще никак. Они были рядом, но как будто в двух разных местах – Иви в одном, мама в другом – и между ними стояла все та же стена.

– Мне кажется, я *никогда* не буду счастливой, – услышала Иви свой собственный шепот.

Сначала она даже не поняла, что говорит вслух. Иви с мамой никогда не разговаривали о таких вещах. И как вообще можно жаловаться на жизнь, когда Белла мертва? Это недопустимо. Иви знала, что, если бы произнесла такие слова в разговоре со Сьюзи, та сразу бы принялась разубеждать: «*Не говори глупостей. Конечно, ты будешь счастливой. Даже не сомневайся*».

Мама убрала руку:

– Может быть, некоторые из нас просто не созданы для счастья.

Иви поморщилась. В глубине души она все же надеялась, что мама скажет что-то другое: что Иви *может быть* счастливой, что она заслужила немного счастья, что маме искренне хочется, чтобы Иви была счастлива.

– Я не пытаюсь быть жестокой, – пояснила мама, заметив выражение ее лица. – Просто... стремление к счастью может стать для человека тяжелым бременем. И даже если ты обретешь свое счастье, оно будет недолгим. Счастье в принципе недолговечно. Возможно, тебе станет легче, если ты примешь за аксиому, что даже в жизни, наполненной тихой грустью, бывают приятные моменты покоя.

Иви ничего не ответила. В маминых словах была доля правды, но Иви не знала, сможет ли приложить столько усилий для возвращения к нормальной жизни при такой малой отдаче. Какой смысл стараться, если ты все равно ничего не добьешься?

– Но всегда есть какой-то спасательный круг. Всегда есть что-то, за что можно держаться, – продолжила мама. – Но это что-то надо найти.

Иви опять промолчала.

Наконец мама встала:

– Мне надо идти. Думаю, скоро увидимся, да?

Иви пожалала плечами. Не было никакого желания снова видеться с мамой. И вообще с кем бы то ни было.

– Мам! – позвала Иви, когда мама подошла к двери.

– Да?

– Какой спасательный круг у тебя?

Мама помедлила, взявшись за дверную ручку, и Иви подумала, что сейчас мама уйдет, не ответив. Но она сказала:

– Мой фотоаппарат.

В животе Иви разлилась тупая, тягучая боль. Она так надеялась, что маминым спасательным кругом будет Иви. Ведь так и *должно быть*, разве нет? Да, Белла погибла, но ведь у мамы осталась еще одна дочь, которая нуждалась в любви и заботе. Возможно, именно так бы все было, если бы вина лежала на ком-то другом. Но это Иви не закрыла калитку.

Альбом и угольные карандаши пролежали нетронутыми несколько месяцев. Но одним ясным апрельским утром солнце сияло так ярко, а свежий воздух за окном пах так маняще и сладко, что Иви не удержалась и вышла в сад. Она сидела за столиком на лужайке и наслаждалась теплым весенним солнцем, а потом подошла Сьюзи и молча подала стакан с холодным чаем. И положила на столик альбом и карандаши.

Иви рассеянно взяла карандаш, чтобы просто проверить, как он ощущается в руке. Открыла альбом и уставилась на белый чистый лист. Эта нетронутая белизна почему-то подействовала успокаивающе, и Иви вдруг увидела его целиком. Осьминога. Его сущность была там, на бумаге, и буквально просила воплотить ее в жизнь. Так Иви и сделала. Щупальца расползлись по странице, карандаш ощущался в руке правильно и приятно, в саду пели птицы, и жизнь перестала казаться невыносимой. Она не стала прекрасной, но была уже не такой тягостной.

Иви посмотрела на своего первого осьминога и улыбнулась, довольная тем, как хорошо получилось. Однако чего-то не хватало, какой-то маленькой завершающей детали... Иви снова взяла карандаш и закрасила черным кончик одного щупальца.

– Вот так, – пробормотала она. – Вот теперь все.

И в этот миг нарисованный осьминог задвигался, заскользил по странице, исследуя пустые уголки любопытными щупальцами. Иви смотрела на него, не зная, что делать – кричать или захлопнуть альбом, – но не сделала ни того, ни другого. Она почему-то не чувствовала ни страха, ни ужаса, ни тревоги. Наоборот, осьминог понравился ей еще больше. Она понимала, что есть вероятность – причем очень немалая вероятность, – что осьминог вовсе не двигался по странице. Возможно, ей лишь казалось. Возможно, это какой-то побочный эффект от лекарств.

Но за первым осьминогом последовали и другие: страница за страницей, альбом за альбомом. Прошло какое-то время, и Иви начала выходить из дома, чтобы порисовать – в парке или в ближайшем кафе. Как-то раз она сидела за столиком у окна, и рядом с ней остановился какой-то молодой человек.

– Очень круто, – сказал он. – Это новый планшет? Похож на обычную бумагу.

Иви подняла глаза:

– Что вы сказали?

– Крутая анимационная технология. Такого я еще не видел.

Иви опустила глаза на альбом, на нарисованного осьминога, дрейфующего по странице, как в толще воды, ограниченной краями листа.

– Вы тоже видите? – прошептала она.

– Э-э-э... да, конечно. Как он движется по?..

– Это опытный образец, – объяснила Иви, быстро захлопнув альбом. – Они еще не поступили в продажу.

Она собрала вещи и поспешила уйти из кафе, оставив парня в полной растерянности.

– Как сходила? – спросила Сьюзи, когда Иви вернулась домой. Она слегка запыхалась, и Сьюзи это заметила. – У тебя все в порядке?

Иви кивнула, но промолчала, потому что боялась, что голос подведет. После случившегося в кафе разум пылал. Теперь она точно знала, что ее нарисованные осьминоги действительно двигались. Они были живыми.

– Так хочется посмотреть твои рисунки, – попросила Сьюзи.

Иви попыталась представить реакцию Сьюзи, но не смогла. Сьюзи была человеком самым обычным. Уравновешенным, здравомыслящим. В ее мире вряд ли нашлось бы место для невероятных оживших рисунков, ползущих щупалец и пристальных нечеловеческих глаз, которые глядят тебе прямо в душу. На мгновение у Иви возникло желание показать альбом Сьюзи, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет, и чтобы поделиться случившимся чудом. Но это был такой секрет, которым нельзя ни с кем делиться. К тому же Иви боялась реакции Сьюзи и папы. В нормальном мире рисунки не оживают сами по себе и люди пугаются невозможного. А вдруг им станет тревожно, неудобно и страшно рядом с Иви? Вдруг они будут настаивать, чтобы она прекратила рисовать и бросила своих осьминогов? Иви знала, что не сможет от них отказаться.

– Я... я не уверена, что эти рисунки тебе понравятся, – проговорила она. – Я рисую не для того, чтобы кому-то показывать свои работы. Я рисую для себя.

Это мои друзья.

Иви не подозревала, как и почему двигались ее осьминоги, но именно благодаря этой тайне они были бесценны. И чем больше она рисовала, тем острее ощущала, что они и правда живые, и с каждым новым рисунком ей становилось чуть лучше. Совсем скоро ей отменили лекарства, и она вернулась в университет. Все еще сломленная, вечно сломленная и безнадежно испорченная, она все-таки собрала себя по кусочкам и стала жить дальше. Мама была права насчет спасательных кругов. Таким спасательным кругом для Иви были осьминоги.

Глава 11

Иви – отель «Белый осьминог», 2016

Щупальце в последний раз сжало ей руку и втянулось обратно под обложку книги, оставив на рукаве Иви влажный чернильный след, ощутимый, но незаметный. Именно по этой причине Иви всегда носила черное. Трудно объяснить людям, откуда у тебя на одежде взялись пятна осьминожьих чернил. К тому же отстирывать эти пятна – сущий кошмар. Но зато теперь стало ясно, что это *ее* осьминог – существующий здесь, в этом отеле высоко в горах, как бы невероятно это ни звучало.

Книга на стойке портье – точно не альбом для рисования. Слишком тяжелая и большая, она напоминала скорее гостиничную гостевую книгу. Возможно, это была старая книга тридцатых годов с именами гостей, заселившихся в «Белый осьминог» перед последней вечеринкой. Иви понравилась эта мысль – протянувшаяся через года связь с последними гостями, – но внутри обнаружились имена путешественников и охотников за привидениями, посещавших отель уже после закрытия. Там были краткие заметки, восхвалявшие заброшенное здание: какое оно жуткое, какое зловещее и завораживающее. Некоторые содержали предупреждения о неустойчивых полах и пустой шахте лифта. Некоторые – о призраках и привидениях.

Иви оглядела пустынный вестибюль. Отель несколько не пугал. Какие бы призраки здесь ни водились, им все равно не сравниться с ее собственными. К тому же ее с раннего детства тянуло ко всему темному и зловещему. В густых тенях есть своя красота, если знаешь, куда смотреть. В мире все может перевернуться с ног на голову, и кролики станут чудовищами, а осьминоги – близкими друзьями.

Иви закрыла книгу предостережений и принялась осматривать стойку портье. В ящиках ничего интересного не нашлось. Не считая жуков и мокриц, они были пусты. Ощущая в кармане тяжесть ключа от номера 27, Иви решила, что пора двигаться дальше. Куда? Она еще раз огляделась и выбрала дверь слева от главного входа.

Она очутилась в узкой длинной комнате с множеством окон, откуда наверняка открывался бы потрясающий вид на озеро, не будь они заколочены досками. Было так холодно, что изо рта шел пар. И еще было темно, и, пока Иви привыкала к сумраку, она разобрала какие-то странные бугорчатые силуэты на полу. Потом поняла, что это всего лишь груды деревяшек – возможно, обломки столов и стульев, когда-то стоявших на этой веранде-столовой. Иви очень живо представила, как гости отеля пили здесь кофе и чай, любуясь озерным пейзажем.

Иви прошла в дальний конец веранды, пробираясь через груды досок и старательно избегая заноз и торчащих гвоздей. Как хорошо, что она надела крепкие туристические ботинки. Дверь на другой стороне была заперта. Или просто рассохлась от холода и сырости, и ее заклинило. Иви толкнула дверь плечом, но не смогла ее открыть.

Иви вернулась обратно в вестибюль, надеясь, что таких тупиков будет немного. У лестницы за роялем обнаружилась еще одна дверь. Она вела в коридор, где располагалось несколько помещений, все в одинаково плачевном состоянии. Некоторые – настолько ободранные и заваленные хламом, что невозможно было определить их первоначальное предназначение, хотя местами едва различимо проступали следы былой роскоши.

Потрескавшиеся потолки в засохших водяных разводах угрожающе осыпались, лишний раз подтверждая, что в здании действительно небезопасно. Однако в отдельных местах сохранилась прежняя роспись. Старинные потускневшие зеркала так и висели на стенах, слишком громоздкие и тяжелые для охотников за антиквариатом; то же самое касалось огромных хру-

стальных люстр, хотя многие оборвались и теперь лежали на полу кучами перекрученных проводов и битого стекла, хрустящего под ногами.

Длинные коридоры, отслаивающиеся обои, запах плесени и сырости. Повсюду куда ни глянь – современные граффити. Иви чувствовала нарастающее разочарование. Она надеялась на живое проникновение в прошлое, на явственное ощущение застывшего времени. Надеялась, что ей удастся найти какие-нибудь интересные реликвии тех давних лет – например, лист писчей бумаги – или забытые вещи прежних постояльцев. Она надеялась встретить призраков прошлого. Но, конечно же, все вещи давно исчезли.

В конце коридора Иви увидела красивые двойные двери с отделкой в стиле ар-деко и остановилась ими полюбоваться, довольная, что наконец-то нашла что-то стоящее. Как и все остальное в заброшенном отеле, витражи на стеклянных панелях были пыльными и грязными, но они слабо сияли, подсвеченные с другой стороны. Иви разглядела чешую и ракушки, мерцающие зеленым и жемчужно-розовым.

Она взялась за дверную ручку, молясь про себя, чтобы двери оказались незапертыми и чтобы их не заклинило. Они легко распахнулись, и она заморгала от внезапно яркого света. Комната была огромной, с десятками окон, многие из которых были разбиты и впускали внутрь свежий горный воздух – приятное облегчение после клаустрофобных заплесневелых коридоров. В этом зале без труда поместились бы человек двести, но сейчас он был пуст, если не считать одинокого горного козла.

У него было крепкое, мускулистое тело и необычайно массивные рога, ребристые и загнутые назад. Он повернул голову и посмотрел на Иви спокойными янтарными глазами. Несколько долгих мгновений они просто таращились друг на друга. Было так неожиданно встретить дикое животное в бальном зале, и все же этот козел был здесь более уместным, чем бутылки из-под колы и обертки от еды. Наконец он шумно выдохнул, выпустив изо рта белое облачко пара, развернулся и побежал к распахнутым настежь застекленным дверям в дальнем конце помещения. В следующее мгновение он выскочил на веранду и исчез из виду.

Иви была рада, что он ушел. Заброшенный отель не лучшее место для диких животных. Все полы сплошь усыпаны кусками дерева и битым стеклом. Иви подумала, что эти осколки, возможно, когда-то были бокалами для шампанского на той загадочной вечеринке в ночь закрытия отеля в 1935 году.

Граффити «украшали» стены и зеркала, а также сцену, установленную в конце огромного зала. В углу обнаружился грязный, свернутый в рулон спальный мешок, явно пролежавший здесь не один год. Несмотря на ужасное нынешнее состояние, прежняя элегантность бального зала проступала в расписном потолке, блеске зеркал и роскошной фигурной люстре.

За прошедшие десятилетия почти все подвески попадали и присоединились к россыпи осколков на полу, но один кластер остался. Он был многоярусным, хрустальным, украшенным стразами в виде мелких витых ракушек, с тремя крошечными осьминогами из муранского стекла, которые цеплялись за фурнитуру петлеобразными щупальцами. Потолок вокруг люстры был расписан под темное ночное небо, чернильно-синее, усеянное серебристыми звездами. Чем дальше Иви любовалась люстрой, тем вернее убеждалась, что где-то ее видела. Причем совсем недавно – буквально на днях.

И вдруг вспомнила. Она видела эту люстру на фотографии – последней известной фотографии Макса Эверли перед его таинственным исчезновением. На этом снимке он был запечатлен в бальном зале на вечеринке, среди шампанского и элегантных женщин в шелковых платьях. Эверли, одетый в черный смокинг, стоял в центре комнаты, глядя на кого-то невидимого за спиной у фотографа.

Иви часто гадала, кем был тот человек, оставшийся за кадром. Возможно, коллега. Возможно, приятель. Но Иви всегда казалось, что выражение лица Эверли явно указывало на очень близкие отношения. Наверняка он смотрел на любимую женщину. Иви так понравился

этот снимок, что она сделала с него несколько зарисовок, пытаясь передать выражение Макса. И теперь она знала, что фотографию сделали здесь, в этом зале, под этой люстрой.

Это значит, что Макс Эверли бывал в отеле «Белый осьминог». Невероятное совпадение: человек с точно таким же именем и фамилией приезжал к Иви в Лондоне, но это не мог быть *тот самый* Макс Эверли. Разве что путешествия во времени и вправду возможны... Она вынула из кармана ключ от номера 27, и он лег на ладонь приятным прохладным грузом. Пришло время выяснить, не потратила ли она столько времени и усилий на глупый розыгрыш. Из гостевой книги на стойке портье она знала, что лифт давно не работает, но, даже если бы он и работал, она все равно не рискнула бы прокатиться на таком древнем подъемнике. Значит, придется идти по лестнице.

Иви вышла из бального зала, прошла по сырым сумрачным коридорам и вернулась в вестибюль. Поднялась по лестнице на второй этаж и направилась вглубь коридора, надеясь, что пол не обвалится под ногами. Он казался достаточно прочным, хотя половицы скрипели, а темнота была такой плотной, что Иви пришлось включить фонарик на телефоне, чтобы осветить путь. Похоже, весь первый этаж отеля был отведен под общественные помещения, а на втором этаже располагалась первая группа гостиничных номеров. Мебели в них не осталось, если не считать каркасов кроватей и прогнивших остатков матрасов. Здесь, как и везде, стены покрывал густой слой граффити и было трудно представить, как эти комнаты выглядели раньше.

На дверях сохранились латунные номера, с первого по седьмой в дальнем от лестницы конце коридора. Здесь же располагалась шахта лифта. Дверей, когда-то ее перекрывавших, не было и в помине. Иви не удержалась, подошла к самому краю и посмотрела вниз в надежде увидеть позолоченную «птичью клетку», стоящую в вестибюле на первом этаже. Но первый этаж был высоким, высотой в два стандартных, и Иви мало что разобрала в такой темноте, а от близости к краю обрыва по спине побежали мурашки. Она отступила от лифтовой шахты и вернулась к лестнице.

Номера на третьем этаже были чуть меньше размером, и поэтому их было больше. Иви дошла до последнего, семнадцатого, и остановилась, озадаченно хмурясь. Кажется, мама говорила, что такого номера нет. Возможно, она соврала, что ходила осматривать отель. Хотя зачем бы ей врать?..

Иви поднялась на четвертый этаж, где располагались номера с восемнадцатого по двадцать шестой. Но на пятом этаже на двери первого от лестницы номера значилось число 28. Как и говорил коллега Виктора, номера 27 здесь не было. Он словно затерялся между этажами.

Глава 12

Иви вынула ключ из кармана и посмотрела на цифры 2 и 7 в переплетении латунных шупалец. Она знала, что в некоторых отелях нет ни тринадцатого этажа, ни тринадцатого номера, но ни разу не слышала, чтобы число 27 считалось несчастливым для кого-то еще, кроме нее самой или ее семьи. Почему в отеле нет номера 27? Это совершенно бессмысленно.

Иви закрыла дверь номера 28 и попробовала вставить ключ в замок. На всякий случай. Возможно, гостиничные номера были перенумерованы... Но ключ не подошел. Она вернулась на четвертый этаж, к номеру 26. Ключ снова не подошел. В течение следующих двух часов Иви методично обошла все гостевые номера со второго по пятый этаж. Ключ от номера 27 не подходил ни к одному из замков. Писчей бумаги тоже нигде не нашлось.

Очень скоро одежда Иви посерела от пыли, накопившейся здесь за несколько десятилетий, и когда Иви снова вернулась на первый этаж, был уже второй час. Она сильно проголодалась, устала и впала в уныние, но все же продолжила поиски, сосредоточившись на комнатах, куда еще не заглядывала. В какой-то момент она забрела в одичавший, заброшенный сад на заднем дворе отеля, который граничил с величественной постройкой, где раньше располагались купальни. Там не обнаружилось ничего интересного, и Иви вернулась в отель. Ей было трудно отслеживать, где она уже была, а где нет, но ей казалось, что она обошла большую часть помещений.

Бесконечные коридоры выглядели совершенно одинаково. Чуть позже Иви наткнулась на бар на первом этаже, где на двери еще висела оригинальная табличка: «Пальмовый бар и коктейли на любой вкус». Вероятно, это было последнее место, где Иви еще не побывала. Как и в бальном зале, здесь остались едва различимые следы прежнего оформления в стиле ар-деко, но в помутневших, покрывшихся пятнами зеркалах было почти невозможно различить отражения, тем более в такой темноте. В помещении вообще не было окон. Странно, что бар разместили именно здесь, а не в другом зале, где гости могли бы любоваться озерным пейзажем, попивая коктейли. Иви снова включила фонарик на телефоне; направляя луч в темные углы, она чувствовала себя дайвером, который исследует затонувший корабль.

Когда-то здесь было очень красиво. В тех местах, где граффити лепились друг к другу не слишком плотно, можно было разглядеть участки оригинальных панелей на стенах, лакированных и серебристых. На потолке сохранилась роспись – изящные фрески с изображениями различных коктейлей. В свете фонарика Иви разобрала некоторые названия, выведенные элегантно позолоченным курсивом: «Мотоцикл с коляской», «Авиатор», «Последнее слово».

Здесь когда-то стояли бархатные кресла и банкетки, но они давно стали пристанищем для мышей. Столы развалились и валялись горами деревяшек вперемешку с битым стеклом – должно быть, осколками бутылок и хрустальных бокалов. Пустые полки за барной стойкой покрывал толстый слой пыли. Старинный курительный шкафчик лежал на боку, полностью разрушенный. Все сигары, хранившиеся внутри, давным-давно исчезли.

Иви не разбиралась в подобных предметах и поэтому не могла даже примерно установить его возраст. Возможно, он только выглядел антикварным. Возможно, действительно был очень старым. Она провела пальцами по позолоченным ручкам. Может быть, к ним прикасался сам Николас Рот? Или Макс Эверли? От этого предположения по спине вновь побежали мурашки, и на мгновение Иви почти ощутила их призрачное присутствие – художника и музыканта, сидящих в креслах с высокими спинками, курящих сигары и слушающих трескучую джазовую пластинку на граммофоне...

Она напрягла слух, пытаясь уловить эхо призрачных саксофонов, ощутить слабый запах сигарного дыма, мысленно потянулась в далекое прошлое, но здесь не было ничего, кроме

пыли, тлена... и кролика. Вот он – белый, милый, пушистый, с черным пятнышком вокруг глаза, – смотрит на нее так невинно и безобидно.

Почему новое платье у БЕЛЛЫ, если это МОЙ праздник?

Иви поехала, решимость разом сошла на нет, и она сделала то, чего делать не стоило. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Она заговорила с кроликом.

– Еще долго? – спросила она.

Меня еще долго будут наказывать?

Кролик не ответил. Он никогда не отвечал. Кролики не говорят человеческим голосом. Да и какого ответа ждала Иви? Сколько времени ей нести наказание за убийство сестры? Какой срок считается достаточным? Кролик смотрел на нее, она смотрела на кролика, и они оба знали ответ. До конца ее дней. Иви будет расплачиваться за содеянное до конца своих дней.

Из коридора донесся приглушенный смешок, взрыв аромата хрустящих яблок и топот маленьких ножек, убегающих прочь. Иви почувствовала, как вечно пылающий узел ярости затянулся еще сильнее. Она выскочила за дверь, кролик бросился следом. В сумрачном коридоре было почти ничего не видно, но запах яблок остался. Иви подняла фонарик повыше и побежала в темноту. Белла была где-то здесь, где-то за гранью видимости. Пришла, чтобы еще сильнее помучить Иви.

Не раздумывая, Иви бросилась в извилистый лабиринт гостиничных коридоров вслед за эхом – или за призраком – младшей сестры. В мгновение ока Иви добралась до задней части отеля, и внезапный поток яркого солнечного света заставил ее на секунду зажмуриться. Ряд высоких галерейных окон тянулся вдоль всей стены большой комнаты, откуда открывался вид на горные вершины. Под слоем пыли проглядывал плиточный пол в черно-белую клетку наподобие шахматной доски, но никакой мебели здесь не осталось, и изначальное предназначение комнаты было неясно. Иви точно знала, что не бывала здесь раньше, из чего следовал вывод, что она пропустила какую-то часть отеля.

Она запыхалась, но кролик быстро проскакал вперед и остановился у двери в дальнем конце помещения. Дверь была приоткрыта, и с той стороны выкатилось большое яблоко, почти все зеленое, но с розоватым бочком и одним листиком на черенке.

Иви резко втянула в себя воздух. Как же ее раздражали – нет, злили – эти листья и яблоки в то последнее лето. Она играла в саду, лепила куличики в песочнице или бегала по дорожкам с мячом – ее любимым, розовым с блестками, – а Белла вечно ходила за ней хвостом и пыталась вручить ей то яблоко, то листочек, найденные на лужайке.

«Мне они не нужны, Белла. Я играю в песочнице», – говорила Иви.

Но Белла все носила ей яблоки и листья, пока рядом с Иви не образовалась огромная куча. И если Иви не брала яблоко у сестры, та иногда злилась и швыряла их прямо Иви в голову. Было очень обидно и больно.

«Она просто не понимает, – говорила мама. – Она хочет сделать тебе подарок, потому что ты ее старшая сестра и она тебя любит».

Вина, обида и злость – сильные чувства сами по себе, но, когда они соединяются друг с другом, получается по-настоящему гремучая смесь. С годами Иви научилась контролировать эти три чувства, но нельзя контролировать их постоянно. Это попросту невозможно. Она сердито уставилась на яблоко, стараясь унять дрожь, и ее голос прозвучал яростным ревом:

– МНЕ! ОНО! НЕ НУЖНО!

Любой другой кролик умчался бы прочь при первом же крике, но это был далеко не обычный кролик – он невозмутимо глядел на Иви, словно видел много чего и похуже, думал о худшем, жил в сто раз хуже.

Иви вспомнила о дыхательных упражнениях, которым ее научили на терапии, и попыталась применить их сейчас, чтобы взять злость под контроль. Разумеется, эта злость не подда-

валась контролю. Нет. Лучшее, на что можно было надеяться, – как-то с ней совладать, обмануть и заставить уснуть, сделать вид, что ее не существует.

Праведный гнев – тоже не лучшее состояние человека, но с ним все-таки можно жить. Гнев незаслуженный и напрасный – вот что хуже всего. Иви знала, что у нее нет права злиться. На себя – да, конечно. Но не на кролика, не на Беллу, не на маму, не на калитку, не на весь мир. Иви была виновата. Все причастные это знали. Она не хотела, чтобы с Беллой случилось что-то плохое. Иви была почти в этом уверена: у нее не было злого умысла, – но даже по прошествии стольких лет случались дни, когда Иви так сильно и яростно злилась на Беллу, что едва не теряла способности дышать. Она злилась, что Белла выскочила за калитку, что она умерла, что оставила после себя пустоту, которую не заполнишь ничем.

Ближайшее к Иви окно как будто дразнило, насмехаясь, и ее вдруг охватило неистовое желание разбить стекло кулаком. Она закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании по квадрату. Иногда эта техника помогала, как и самоосознанность – и занятия йогой, и горячая ванна, и прогулки на свежем воздухе, и так далее и тому подобное. Но это все помогало *совсем немного*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.